

ISSN 0130 6375

ИСКРКА

6 ИЮНЬ
1985

ИСКОРКА

6 ИЮНЬ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
„Ленинские
искры“,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Ольга ФОКИНА

А Р Т Е К У

*Синева на все четыре стороны —
В ширину, в длину и вышину!
Над Артеком утренние горны
Голубую будят тишину.*

*И, раскинув руки, словно птицы,
Самым лучшим доверяя снам,
Мы сбегает к морю — поклониться
Аюдагу, солнцу и волнам.*

*И не даром, нет, совсем не даром
В жизни нам хозяйничать дано
Заодно с Аркадием Гайдаром
И с его Тимуром заодно.*

*Мы не зря в походах запеваем,
Нашей песне не стареть вовек:
«Мы другой такой страны не знаем,
Где так вольно дышит человек!...»*

*А когда роса на землю брызнет,
Наши песни заплеснёт прибой...
Засыпай, «Лазурный» с
«Кипарисным»!
Добрых снов, «Прибрежный» и
«Морской»!*

Рис. В. Лужина

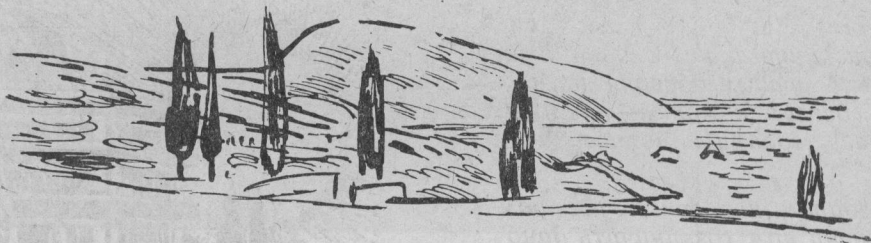
Мы не случайно открыли июньский номер «Искорки» стихотворением Ольги Фокиной об Артеке. Всесоюзному пионерскому лагерю Артек исполняется в этом году 60 лет.

Мысль о создании пионерской республики возникла в далёком 1924 году, а летом 1925-го Артек уже принял первых пионеров. Приветствуя юных ленинцев, Максим Горький писал: «Будущее принадлежит детям — таков „закон природы“. Разрешите напомнить, что пионеры это — смена, это — резерв, это — законные наследники всего, что сделано и делается».

60 лет — срок немалый. За прошедшие годы в Артеке сложились свои законы и традиции. Пришло время говорить и об истории Артека. Мы предоставляем наши страницы одному из артековских летописцев — Станиславу Александровичу ФУРИНУ, ныне главному редактору журнала «Пионер».

Станислав Фурин

ЧЕТЫРЕ РАССКАЗА ПРО АРТЕК

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

УРОКИ ГАЙДАРА

— Тимурёнок, добрый человек, собирайся в дорогу, — крикнул с порога отец, — нас ждёт удивительное путешествие в удивительную столицу!

— Но мы же и так в Москве, папа. — Сын посмотрел на отца вопросительно, но он знал, что тот никогда не говорит неправду.

— Это другая столица. Её окружают высокие горы. Рядом плещется тёплое море. А в небе — звёзды величиной с кокосовый орех.

— С кокосовый? — протянул Тимур. — Такого не бывает.

— Бывает. Ещё как бывает. И часы в этой столице необычные. Не солнечные, не волшебные... Серебристые! Население этой столицы просыпается и ложится по сигналу горна.

Гайдар подхватил на руки сына, поднял его высоко и закружил с ним по комнате.

— Мы едем — в Артек!

Потом он усадил сына на стул, отдышался и уже спокойным голосом продолжил:

— Сегодня заглянул я в Центральное бюро юных пионеров, там работают добрые люди. «Гайдар, — говорят они, — ты пишешь хорошие книжки для пионеров, но не кажется ли вам, любезнейший писатель, что вы мало пишете о пионерах? А народ этот умный, весёлый, задорный...» В общем, расхвалили ребят в красных галстуках, а потом предложили: «Поезжайте-ка вы в Артек. Там пионеры со всего Союза. Посмотрите, поговорите с ребятами. Может быть, что-нибудь им подскажете, а вдруг о них и напишете». А я в ответ: «Куда же я Тимурёнка своего дену?» А они: «Забирайте с собой!» Так что пакуем чемоданы и — вперёд, в сказочную республику, дышать свежим воздухом, бросать камешки в море и... думать о жизни и дальних странах.

...До Симферополя доехали без

приключений. А вот от города до Артека небольшой синего цвета автобус дважды ломался. Тимур устал и даже начал хныкать. Но потом, укачанный на поворотах, уснул. А когда проснулся — увидел море. Синее-пресинее. И солнце. Яркое-пре-яркое. Но до Артека было ещё далеко, и полагали они с отцом по пыльной дороге. И хотя дорога измучила Тимура, а у Гайдара был не такой уж лёгкий чемодан, настроение у них стало бодрым. А чтобы его и ещё приподнять, Аркадий Петрович запел:

*По военной дороге
Шёл в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год...*

Тимур, как мог, подпевал отцу.

Так они с песней и пришли в лагерь.

Устроились быстро в небольшой, но уютной комнате, окна которой выходили в парк. Наступил летний вечер. В парке стоял неумолкаемый птичий гомон. Вдали виднелись Адалары — скалы-близнецы. А у Гурзуфа — развалины Генуэзской крепости.

— Хорошо здесь. Пойдём к морю, а?

— К морю и солнцу пойдём завтра, — категорически отрезал отец. — А сегодня приказ — спать, спать и ещё раз спать. Ты же знаешь, что настоящий боец — это отдохнувший боец. Разве прилично бойцу стоять на посту и зевать? Негоже!

С этими словами Гайдар потушил свет. Но сам ещё долго не мог заснуть, вспоминал прошедший день. Встретили его радушно, даже ласково. Это хорошо. Просили придумать выступление перед ребятами. Тоже хорошо. «У нас тут режим, всё по команде». Эти слова насторожили. Режим, конечно, должен быть — спорту нет. Но вот кто и как командует? Одно дело — армия. Там командует командир. Двух мнений нет. А в отряде? Сам-то он хорошо понимал: то, что люди поняли, осознали в детстве, прививается им на всю жизнь, это самые прочные, самые верные навыки. Чести, смелости люди учатся с самых ранних лет. Тот,

кто честен, смел и правдив с детства, будет хорошим человеком и хорошим бойцом. А что делает для этого Артек? Поживём — увидим. С этими мыслями Гайдар заснул.

...Сын и отец проснулись одновременно.

— Дан приказ ему на море! — Весело пропел Аркадий Петрович. Он вынул из чемодана два полотенца, подхватил за руку Тимурёнка, и они вприпрыжку помчались к морю.

В этот утренний час море было спокойным. Они сделали зарядку, слегка окунулись, а потом сидели на камне и долго глядели вдаль. Гайдар молчал, а Тимурёнок буквально ёрзал на камне от нетерпения: ему хотелось побросать камешки в море.

— Не вертись, — строго сказал отец. — Ещё успеем покидать твои камешки. Ты лучше посмотри во-он туда — направо.

— Там море.

— Но если плыть, плыть по морю, то можно приплыть на Кавказ. Прямо в Адлер.

— Ну и что?

— Да дело в том, Тимурёнок, дорогой мой человек, что там я воевал, гонялся за беляками, мёрз, голодал, считал каждый патрон. Да и товарищей моих там полегло немало. Давай-ка встанем и помолчим минуту.

В гору поднимались долго и молча. Гайдар думал о своём, а Тимуру было неловко, что огорчил отца.

— Папа, ты мне об этом ни разу не рассказывал, — сказал Тимур, когда они поднялись в лагерь.

— Тебе ещё рановато. Подростёшь — всё расскажу.

Целый день ходили они по лагерю, знакомились с ребятами. Те, увидев высокого человека в военной гимнастёрке и папахе, обступали Аркадия Петровича и засыпали вопросами. Артековцы уже знали, что к ним в гости приехал Гайдар. Аркадий Петрович терпеливо отвечал на все, даже самые наивные вопросы. А вечером пригласили Гайдара с Тимуром на костёр, посвящённый Красному знамени.

В центре костровой, почти у кромки моря, стояла пирамида из сухих веток. Под рокот барабанов собирались отряды, занимали места. Раздалась команда: «Костёр зажечь!» Подбежали пять костровых — и языки пламени взвились кверху. Раздался гром аплодисментов. А потом начались речи. Говорили вожатые. Говорили ребята. И чем больше их слушал Гайдар, тем мрачнее становился. Нет, его, конечно, радовало ребячье веселье. Но вот речи... Очень уж они были пышными, крикливыми. С костра ушёл он и вовсе расстроенный. Перед сном взял свой дневник, который вёл много лет, и написал:

«Костёр у вожатых — плохо. Ни чутья, ни политического такта. Декламация — «Красное знамя — знамя свободы, равенства, братства, любви и т. п.» — чушь. Красное знамя — знамя диктатуры пролетариата — и это устроителям невдомёк».

— Что ты там пишешь? — заворочался Тимур. — Сам же сказал, что отбой.

— Для тебя — отбой, а для меня — работа.

Наутро в военной гимнастёрке, папаше и до блеска начищенных сапогах Гайдар направился в пионерскую комнату. То, что он там увидел, обидело и огорчило: разбросанные по столам газеты и журналы, неряшливо, с ошибками написанные объявления. И самое тревожное —

наспех сваленные в угол отрядные флажки, с которыми вчера вечером отряды выходили на сбор о Красном знамени. Чего-чего, а этого Гайдар не ожидал.

Он присел на краешек стула, оперся рукой о подбородок и задумался. Потом вдруг резко поднялся, расставил отрядные флажки как положено и стал рядом по стойке «смирно». Так он стоял пять, десять, пятнадцать минут, пока чья-то вихрастая голова не заглянула в пионерскую. И тут же исчезла. Потом показалась ещё чья-то голова. Гайдар стоял не шелохнувшись. Почти на цыпочках ребята стали проникать в пионерскую комнату и робко становились вдоль стенки. Комната набилась чуть ли не до отказа...

Вбежала запыхавшаяся вожатая:

— Что случилось? Что стряслось?

И тут она заметила рядом с отрядными флажками стоящего навтыжку Гайдара.

— А случилось следующее: если полк утратил своё полковое знамя, его расформировывают, если часовой покинул пост у боевого знамени, его отдают под ревтрибунал. Если отрядные флажки свалены кучей в углу — грош цена флаговому и всему отряду. Пионерский флаг — частица нашего боевого и трудового Красного знамени. Это надо хранить в сердце.

Гайдар чётко, по-военному повернулся и вышел из пионерской.

...Дни в Артеке мелькали, словно в калейдоскопе. Тимур заметно загорел. Да и сам Аркадий Петрович чувствовал себя взбодрённым, хотя много писал, а ещё больше — размышлял. Впереди его ждала напряжённая работа. Всё свободное время он проводил среди ребят. Но каждой сказке, даже артековской, приходит конец. Наступило время прощания.

И снова был костёр. Такой же жаркий, как и в первый раз. Попросили выступить Гайдара. Он встал, поправил ремень и папаху и, подойдя к костру, обратился к ребятам:

— Говорить я не мастак. Больше люблю писать. Но сегодня хочу сказать вот что. У вас чудесный лагерь. Об этом позаботилась страна, которая зовётся Советской. У вас замечательная пионерская организация. Об этом позаботились партия и комсомол. Вы спите мирным сном. На страже его стоит наша легендарная Красная Армия. Цените всё это. Не болтайте под ногами старших, а в чём можете, служите нашей стране верно.

После костра, когда пропел сигнал отбоя, Аркадий Петрович заглянул в пионерскую комнату и улыбнулся. Отрядные флажки стояли в своих гнёздах ровно, как солдаты в строю. На полу — ни соринки. На столе — аккуратные подшивки газет и журналов.

— Тимурёнок, добрый человек, ты ещё не спишь? — спросил отец, вернувшись из лагеря.

— Тебя жду, — недовольно пробурчал он.

— Вот и хорошо. Приказ по форме номер один — одевайся, да потеплее.

— Зачем?

— Помнишь, ты же хотел вволю побросать камешки в море? — напомнил ему отец. — Завтра уезжаем, а сегодня сделаем исключение из правил и ляжем спать чуть позже.

Море было беспокойным. Волны с шумом накатывали на берег. А там стояли два человека — оба Гайдара, один высокого роста, другой совсем малыш — и с азартом кидали камешки в набегавшие волны.

* * *

Сейчас в Артеке дружина «Янтарная» носит имя А. П. Гайдара. Здесь открыта мемориальная доска писателю. В Артеке проходил I Всесоюзный слёт тимуровцев, имя которым дал герой Гайдара. И приезжает сюда сын писателя контр-адмирал Тимур Аркадьевич Гайдар, чтобы готовить, как и отец, краснозвёздную гвардию.

РАССКАЗ ВТОРОЙ.

ПОЛЯНА КОСМОНАВТОВ

Я летел в Артек с лётчиком-космонавтом дважды Героем Советского Союза Владимиром Николаевичем Аксёновым. Завязался разговор.

— Вы в который раз летите в Артек? — спросил космонавт.

— Так уж получилось — в тридцать четвёртый, — ответил я.

— Ого! — рассмеялся Аксёнов. — А я вот в первый. Детство моё совпало с войной, жили мы в деревне, ребята во всём помогали старшим — и картошку копали, и сено сушили... А слово Артек я услышал много позже. Кстати, а что происходило на артековской земле в годы войны? Наверное, там в июне 41-го была очередная смена?

— Артек и артековцы пережили многое, всего и не расскажешь... Впрочем...

...Артек только отметил своё пятинадцатилетие, когда прогремели первые залпы войны, и бывшие воспитанники лагеря надели солдатские шинели. Многие из них пали смертью храбрых — Герои Советского Союза Тимур Фрунзе, испанец Рубен Ибаррури, Лия Молдагулова, Гуля Королёва, молодогвардеец Иван Туркенич, пионеры-герои Володя Дубинин и Витя Коробков...

На 22 июня был назначен праздничный вечер. Но его пришлось отменить. Вожатые-комсомольцы в первую тревожную ночь войны дежурили на башне и вели наблюдение за морем. На Ай-Петри фашисты высадили десант. Поступило указание начать эвакуацию детей. Куда только не бросала судьба артековцев той

военной смены — в Подмоскowie, в станицу Нижний Чир на Дону, в Сталинград, Камышин и, наконец, в деревню Белокуриха Алтайского края. Но где бы ни были артековцы, они жили по артековским законам и традициям и всюду помогали фронту.

Фашисты разорили Артек. После них остались руины, сожжённый Дворец пионеров, пни знаменитых секвой, тиссов, кедров, кипарисов.

Советская Армия освободила Артек 16 апреля 1944 года. В летописи лагеря сохранился уникальный документ — письмо от воинов 26-й артиллерийской дивизии Резерва Главного Командования: «Не имея в настоящее время возможности принять непосредственное участие в восстановлении лагеря, просим принять от нас четыре автомашины и три рабочие лошади. Пусть эта скромная помощь ускорит восстановление знаменитого Артека — здравницы детей Советского Союза».

Уже в июне 1944 года в Артеке пропел пионерский горн.

— Вот вкратце, пожалуй, и всё, — закончил я. — Героям-артековцам установлена мемориальная гранитная плита и памятник Неизвестному матросу в честь тех, кто пал смертью храбрых на крымской земле. Да вы сами всё увидите...

— Хорошо, — согласился космонавт. — Вот вы много раз бывали в

этом замечательном лагере. Наверное, было у вас много интересных встреч, праздников, костров, и всё же что-то вам запало на всю жизнь. Было такое?

Я невольно улыбнулся: каждый день, проведённый в Артеке, неповторим и не похож на другой. Но у меня действительно была одна неожиданная, незабываемая встреча.

— Была, — ответил я. — Встреча с Гагариным.

...Стояло тёплое летнее утро. Я только что прилетел из Москвы, устроился в вожатском корпусе в «Морском» и вышел погулять к морю. Над морем кружили и кричали чайки. В оливковой роще щебетали на разные голоса птицы. На самом берегу на большом камне, поросшем водорослями и усыпанном ракушками, спиной ко мне стоял плотный человек в рыбацкой куртке и высоких резиновых сапогах. На его голове была соломенная шляпа с большими полями. В руках он держал небольшой шест с мелкой сеткой на конце. Он забрасывал сетку в море и через несколько минут резким движением вытаскивал её. На дне сетки подпрыгивала серебристая ставридка, и он бросал её в ведёрко. Но вот он закинул сетку левее, а когда попытался вытащить — не получилось. Видимо, зацепилась за что-то. Рыбак дёргал за шест, но сетка не поддавалась. Тогда он оглянулся и увидел меня.

— Дружище, помоги, поддержи шест, я мигом.

Я перебрался к камню и ухватился за шест. Человек в шляпе шагнул в воду, отыскал конец злополучной, как оказалось, проволоки, вытащил сетку вместе с ней. И тут я узнал в незнакомце Гагарина.

— Спасибо,— сказал он.— Вечером приглашаю на жарёху...

И он снова закинул сетку в море.

Вечером на поляне, недалеко от моря, горел костёр. Юрий Алексеевич был весел, остроумен и охотно отвечал на вопросы. А вопросов было — тьма. И в первую очередь — об Артеке.

— Что вам больше всего понравилось в лагере?

— Всё понравилось — праздники, костёр, артековские песни. И ребята...и «Снайпер»...

— «Снайпер»?

— Увлекательнейшая игра — надо будет всех детей моих друзей научить играть в «Снайпер». Азартная игра,— ещё раз повторил он.— Ловкость вырабатывает, реакцию...

Костёр горел ярко. Искры его медленно таяли в вечернем небе. Прозвучал сигнал отбоя. И тут кто-то из начальников лагеря задал очередной вопрос:

— А что бы вы пожелали нашему лагерю и вожатым?

Гагарин помолчал, видимо, подыскивая самые нужные и точные слова.

— Вожатые у вас — труженики. С утра до вечера на ногах. Прямо скажу — космические нагрузки у них. Так держать и впредь. И знаете почему? С детьми работают, тут жалеть себя не приходится. И Артек у всей страны на виду. А вот лагерю не хватает...

Гагарин сделал паузу.

— Лагерю не хватает космической выставки. Я сейчас получаю тысячи писем от ребят, и в каждом вопрос: «Как стать космонавтом?» «Космос велик,— говорил Королёв,— в нём для всех найдётся работа». Как по-

думаешь, что будет лет через двадцать-тридцать — дух захватывает. В Артек приезжает много пионеров, лагерь растёт. Вот и надо позаботиться о космической выставке. И пусть на ней будет всё настоящее — и костюмы, и скафандры, и приборы. Пусть ребята с детских лет познают космос. Я обещаю вам помочь...

Уже отведали гагаринской рыбы, уже спели новые песни о космосе, а расставаться никому не хотелось. И вдруг Гагарин спросил:

— А не найдутся ли в Артеке кисти и белила?

Через полчаса кисти и белила были вручены космонавту. Он отошёл метров на двадцать от костра и на огромном валуне написал два слова: «Поляна космонавтов». К костру вернулся довольный и с неповторимой гагаринской улыбкой проговорил:

— Была поляна безымянной, а теперь назовём её «Поляной космонавтов». Согласны?

...Самолёт пошёл на посадку. Мы пристегнули ремни.

— Юрий был большим выдумщиком,— проговорил Аксёнов,— умел создавать традиции, держать слово. Многие космонавты побывали с тех пор в Артеке. Титов, Николаев, Леонов, Попович, Феоктистов, Беляев, Климух... Вот наступила и моя очередь...

* * *

Прощаясь в очередной раз с Артеком», Юрий Алексеевич оставил в книге почётных гостей такую запись: «Для меня дорога в Артек прошла через космос. Вернулся из полёта и стал космическим гостем замечательной республики красных галстуков. С тех пор в Артеке был не раз. Я вижу, как расцветает Артек, строится. Всё больше здесь дружин, всё больше советских ребят и детей разных стран. Очень рад, что в Артеке строится космический городок, и верю, что ещё не один артековец станет разведчиком космических трасс».

Рис. Ю. Шабанова

Окончание следует.

НАОБОРОТ

Во мне живёт Наоборот —
Упрямый непослушник.
Он песни весело поёт,
Когда бывает скучно.

Когда мне надо спать идти,
Он прыгает, как мячик.
Когда весёлым надо быть,
Он почему-то плачет.

За партой он со мной сидит
И делает ошибки.
Он в лужи с радостью бежит,
Горчицу ест с улыбкой.

Живёт во мне Наоборот —
Ужасный непослушник.
Но нам вдвоём, вдвоём зато
С ним никогда не скучно.

Саша Мякиненков, 2-й класс

КТО ЭТО?

Глаза голубые,
Помпончиком хвост.
Да кто всё же это?
Да это —
Наш пёс!

Ася Губина, 3-й класс

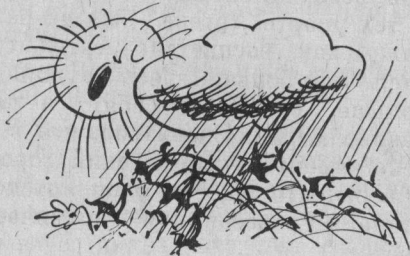

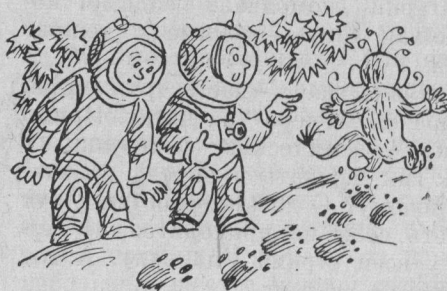
Рис. Л. Московского

КЛАД НА МАРСЕ

На Марсе, может быть, давно
Есть марсиан следы.
Остались, может, их дома,
А также их сады.
На Марсе, может,
Клад найдём,
Остатки от дворцов...
Ведь к звёздам
Рвутся храбрецы,
И мы — среди храбрецов.

Лера Суворова, 6-й класс

* * *

Плывут по небу облака —
Ленивые слегка.
Но только солнышко зевнёт,
Как сразу ливнем дождь
пойдёт.

Даша Максумова, 2-й класс

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ!

Есть увлечения, которые приходят к человеку в раннем детстве, а потом остаются с ним на всю жизнь. Так было и у Сергея Лукницкого. Когда он был маленьким, взрослые часто рассказывали ему сказки, читали книги, а он каждый раз пересказывал услышанное по-своему, выдумывая разные разности, которых в книжках совсем и не было. Причём все рассказанные им истории обязательно получались, как в сказках, — с добрым концом.

Любовь к сказкам он сохранил до сих пор, и вот перед вами первая написанная им повесть-сказка «Наши каникулы».

Несколько слов об авторе. Сергее Лукницкому 30 лет. У него две профессии — он юрист и журналист. Недавно вышла его первая книга для взрослых, называется она «Цветы вереска».

В «Искорке» Сергей Лукницкий печатается впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта повесть составлена из записок главного, её героя и участника всех приключений.

Подлинник рукописи хранится у Вити Витухина. Это он нашёл её под ковриком невероятно умного пса по кличке Пират.

Правда, расшифровать записки было очень трудно. Нам помогали Витина мама — Мария Сергеевна, Витин папа — Павел Павлович, ну и, конечно, сам Витя. Мы ничего в записках не изменили, не присочинили, всё, что здесь написано, — чистая правда.

На этом предисловие заканчивается, а начинаются подлинные записки, справедливо и точно названные «Наши каникулы».

Я и мои хозяева

27 мая

Меня зовут Пират. Но несмотря на грозное имя, я совсем не злой. За всю жизнь я укусил только одного мальчишку — он дёрнул меня за хвост. И всё равно Пал Палыч

посадил меня тогда на шкаф и сказал:

— Глупая, противная собака. Сиди здесь, пока не раскаяешься.

Я раскаялся сразу, но сидеть пришлось гораздо дольше. И я подумал, что Пал Палыч был неправ.

Во-первых, насчёт глупости. Ведь не всякая собака умеет писать. А я умею.

«Ну что ж, — подумал я, — нюх у меня отличный, я всегда сразу нахожу всё, что теряют, разбрасывают и куда-то засовывают Витя и Пал Палыч».

Я вообще очень находчивый пёс.
Опять прерываюсь...

*Снова о себе,
но в последний раз*

Во-вторых, если я противный, почему всем хочется меня погладить? Погладить — это всё равно что лизнуть. А я никогда не лизу ничего противного.

Извините... Прерываюсь, кто-то идёт...

Нечего о себе

На другой день

— Ты где, Пиратыч? — ещё с порога позвал меня мой любимый хозяин Витя, ученик пятого, то есть теперь уже шестого, класса. — Кричи «ура» — через три дня мы едем в деревню на дачу.

— Ваг-гав-гау, — гавкнул я изо всех сил.

Потом Витя рассказал: в деревне можно бегать без поводка — это главное. Можно лаять сколько влезет. Можно где хочешь копать ямки. И даже валяться на газоне — там он называется просто травой.

От радости я так сильно размахался остатками своего хвоста, что чуть не вывихнул спину.

— Осторожно, пёс! Танцы — после, — сказал Витя, — ты мне будешь нужен, чтобы разыскивать и собирать вещи.

29 мая

Почему я прерываюсь и скрываю свои записки? Сейчас объясню.

Представьте: вы входите в комнату и видите — за вашим столом сидит собака и пишет, да ещё в вашей тетрадке. Можно этому поверить? Нельзя. Собаке писать не полагается. Поэтому если она всё-таки пишет, то лучше, чтобы об этом никто не знал. Тем более, что иногда такие записки пишут люди, а потом выдают за переводы с собачьего. Мои — подлинные. В этом их ценность.

Но пусть никто не думает, будто я необычный пёс, робот или какой-нибудь там пришелец с другой планеты. Я совершенно нормальный пёс. У меня четыре крепкие лапы, хорошая прыгучесть, чёрный нос, густые усы, бородка и обрубленный столбиком хвост.

А писать я научился как-то незаметно. Витя зимой долго болел. Чтобы он не отстал от класса, к нему приходила заниматься учительница. Я все время сидел рядом. Внимательно слушал, не отвлекался, не вертелся, не зевал, даже не чесался. А когда Витя выздоровел и пошёл в школу, я использовал его старые тетради: каждую букву обвёл ещё раз. Постепенно я натренировался. И потом смог кое-как писать сам.

Больших способностей у меня нет — взял усидчивостью.

*Мы поехали
и приехали*

1 июня

Дорога была непереносима. Приехали ночью. Куда — не знаю. Совершенно разбитый, я уснул прямо на полу.

Утром меня разбудили вопли странной рыжей птицы с загнутым клювом. «Если она клюнет меня в голову, — подумал я, — то, пожалуй, получится порядочная дыра».

— Фу, Пиратыч! Это же просто петух, — сказал Витя и засмеялся.

Я вылез из-под кровати, вышел на террасу и сел на крыльцо. И почему мне должно быть стыдно?! Я — городской пёс, а у нас в городе петухи водятся только в книжках. Откуда я мог знать, что в деревне они так орут, что сразу теряешься и бежишь в укрытие?

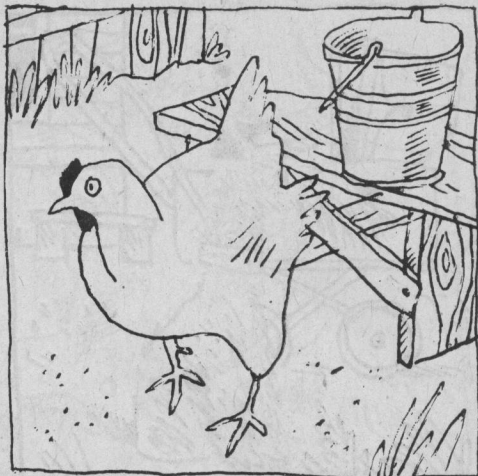
В то же утро со мной произошёл и другой несчастный случай. Пробравшись в сарайчик в конце двора, я столкнулся с крупным животным незнакомого вида. Сверкнув в темноте глазами, оно хрюкнуло и наставило прямо на меня рыло с двумя дырками на конце. Я взвизгнул, шархнулся и чуть не сбил с ног хозяйку дома — тётю Грушу. Рассказывая потом об этом Вите, тётя Груша тряслась всем телом и вытирала глаза передником.

Только потом я догадался, что она не плакала, а смеялась.

Я решил исправить свои ошибки и проучить нахалку курицу, которая повадилась ходить на террасу. Она сразу же начала метаться во все стороны, разбрасывая перья, но мне удалось схватить её за голову.

Курица осталась жива, а меня посадили в угол — носом в паутину. Честно говоря, было очень обидно, я не выдержал и жалобно подвывал там часа два.

Ничего себе, приехали на дачу!

Вот это жизнь

5 июня

Всё печальное позади. Жизнь прекрасна!

В деревне у собаки, оказывается, совсем не бывает свободного времени. Когда мы жили в городе, я полдня сидел в квартире один, спал, ел и жевал от скуки резиновый телефонный шнур или домашние тапочки мамы Маши. А здесь? Не знаешь, за что взяться и в какую сторону бежать!

Понятия не имел, что мир так густо заселён! Весь наш сад я уже обнюхал. Обнаружил множество мелких тварей — летающих, прыгающих, ползающих.

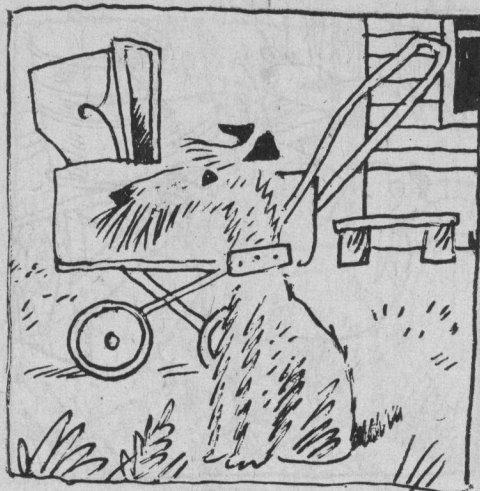
Научился копать землю, почти как трактор. Грядку с редиской перекопал всю, и тётя Груша посеяла на ней что-то другое.

Писать больше некогда. Спешу завтракать. Аппетит волчий.

*Троисестствие
на рассвете*

8 июня

Не могу заснуть. Вылез на террасу и пишу при свете луны. Кругом

длинные тени, и от этого жутко.

Был ужасный день. Как и всегда, на рассвете я сел за свои записки. Вдруг на тетрадку плюхнулся жук. Я решил его осторожно отодвинуть, чтоб не мешал, а он сразу перевернулся вверх ногами и вцепился мне в нос.

Я прибежал в комнату, перевернул стул, вылетел снова на террасу и опрокинул ведро с олифой, потом поскользнулся на ней и съехал с крыльца прямо в детскую коляску, в которой днём обычно спит младший брат моего хозяина Вити — Костя.

Что было дальше — страшно вспомнить!

Пал Палыч бегал с палкой вокруг дома. Тётя Груша прочёсывала граблями траву. Витя стоял на крыльце со своими новыми пистолетами и палил в воздух. На соседних дачах дружно лаяли собаки.

Я пришёл в себя окончательно уже под террасой. Пролежал там очень долго, в пыли, без завтрака. Потом пришли куры и стали ногами кидать эту пыль в меня. Чтобы не задохнуться и не ослепнуть, я пополз в ближайшие кусты.

— Витенька, что это?! — испуганно вскрикнула мама Маша.

Я не понял, почему они так смеялись. Правда, шерсть у меня слиплась и затвердела, как панцирь у черепахи, один глаз и вовсе не открывался. Но что тут смешного?

Воду в корыте меняли три ра-

за. Наконец меня вытерли и завернули в старое ватное одеяло.

— Ну как, Пиратыч, жив? — спросил меня Витя и погладил по голове.

Тётя Груша принесла синюю миску с тёплым молоком и поставила её рядом со мной.

— Пей, дурень усатый, — сказала она.

А мама Маша взяла меня на руки и стала ходить со мной взад-вперёд, как с Костей, когда он капризничает или не засыпает. Потом она положила меня в ногах Витиной кровати и пощупала мой нос.

— Знаешь, Витенька, нос горячий. Не заболел бы... Ты посиди с ним, пока он не просохнет.

Витя обнял меня вместе с одеялом и прижал к себе.

Какие они хорошие, добрые люди!

Потрясение

10 июня

Вчера я увидел собаку, которая сидит на цепи. Она сама сказала мне, что это на всю жизнь. Несчастная!

Я потрясён! Должен прервать свои записки. Пойду полежу в кустах один.

Потётное задание

17 июня

У меня был замечательный день. Я лежал, развальясь, в траве и с удовольствием слушал, как весело бурчит в моём животе обед из четырёх блюд. Вдруг мама Маша подвезла ко мне коляску, в которой спал Костя.

— Что ты собираешься делать? — спросила она меня. — Хочешь, я дам тебе работу?

Если честно — я не хотел. Но для мамы Маши я готов бегать даже с набитым пузом. Поэтому я вскочил и сделал заинтересованную морду.

— Ну вот, какой ты любезный! — сказала она. — Так слушай. Я сейчас уйду, а ты сиди здесь, стереги Костю. Никого к нему не подпускай. Понял? Лаять тоже не надо — ты его разбудьшь. Понял?

Я заглянул в коляску, посмотрел на маму Машу и три раза многозначительно отбросил землю задними ногами назад и вбок.

— Молодец!

Мама Маша погладила меня и ушла. А я сел, уставился на коляску: пусть сюда придёт хоть носорог — я на него брошусь.

Носорог не пришёл, но скоро из травы выполз жирный зелёный кузнечик. На всякий случай я его съел.

Потом появились три муравья. Они тащили дохлую муху. Я на них фыркнул, и они разбежались.

Едва я расправился с муравьями, как надо мной загудел шмель и начал снижаться кругами. «Давить или глотать?» — промелькнуло у меня в голове. Но тут он снизился, залез в колокольчик и замолчал, свесив наружу полосатый зад.

Я заглянул в коляску. Там было всё в порядке. Этот маленький человек всё время спит или ест. Тётя Груша говорит про него «золотой ребёнок». Не знаю. Даже я не смог бы есть так часто, спать так много и сосать пустышку, в которой ничего нет.

Ну вот! Ещё одно ценное наблюдение: когда работаешь, нельзя думать! Я и не заметил, как на дерево села птица. Прямо над коляской. И сразу испортила нам одеяло.

До чего же противные животные населяют наш сад! Не успел оглянуться — явилась лягушка. Села, выпучилась. На морде — никакой мысли!

Я не стал наблюдать за бесполезной тварью, я весь переключился на комара. Вот будет крик, если он вопьётся в нашего золотого ребёнка. Я подпрыгнул и — не допрыгнул. Ещё подпрыгнул и... чуть не насту-

пил на огромного страшного червяка. Он всё время двигался как-то странно: то хвост приставит к голове, то голову к хвосту. А вдруг он — ядовитый? «Съесть или раздавить?» Я совсем растерялся.

Вдруг — хлоп! — лягушка слопа-ла комара.

— Чвир-вик, — сказала птица и склоннула червяка.

— Ну, как дела? — это вернулась мама Маша.

Как я прыгал, вертелся, катался!

— Ну, ну, хватит, милый! Я вижу, ты отлично и честно работал! — приговаривала мама Маша.

Вечером я больше не лаял на лягушек, когда они прыгали в траве. И очень обрадовался, когда мама Маша категорически запретила Вите кидать в них шишками.

Ночью, засыпая, я вдруг подумал: а что если все животные бывают для чего-нибудь, а не просто так?

А я? Для чего я? Я для чего?

18 июня

И зачем это мне понадобилось думать?! Жил себе и жил, был счастливый пёс, любил поесть, побегать, полаять. А теперь сижу и презираю себя.

Для чего я? «Чтобы путаться у всех под ногами?» — как сказала вчера тётя Груша.

Даже лягушки не только орут в пруду — едят комаров. А здешний кот Фома? Тётя Груша говорит, что без него мыши её совсем бы съели. А ведь весит она не меньше ста килограммов.

Но никто не идёт ни в какое сравнение с коровой Фросей. Раньше я понятия не имел, откуда добывают молоко. Здесь увидел впервые. Стоял истуканом, пока тётя Груша не надоила целое ведро. Потом я обежал корову Фросю раза три. Она прекрасно устроена: спереди рога, сзади тоже не очень-то подойдёшь — копыта, хвостом, я сам видел, напоял убивает слепней. Но главное не это. Из Фросиного молока тётя Груша делает масло, сметану, вареники. Кроме того, мы пьём его просто так — парное и холодное.

Тётя Груша говорит, что второй такой коровы не сыскать во всём свете. Я с ней вполне согласен. Я очень завидую Фросе. Если бы ещё она умела прыгать и лаять — я бы не возражал какое-то время побыть коровой.

Неплохо было бы ещё временно сделаться птицей, жить в гнезде высоко на дереве и на лету хватать мошек.

Ищу сам себя

19 июня

Вчера поговорил на эту тему со своим соседом Микки. Это — совсем маленькая собачка с голым пузом и выпученными глазками. В холодную погоду носит красное одеяльце с четырьмя дырками, в которые просовывает свои тонюсенькие ножки.

Я спросил его, что он делает. Он ответил:

- Ем.
- А ещё?
- Сплю.
- А ещё?
- Гуляю в саду.
- А ещё?
- Сажу у хозяйки на коленях.

— Ну, а какой от тебя толк? — потерял я терпение.

Он подумал, подумал и сказал:

— По-моему, никакого...

Я было ухмыльнулся, но тут опомнился. Сам-то тоже хорош... дачник.

Нет, надо что-то срочно предпринять.

Надо будет сбегать к собаке, которая сидит на цепи. Посоветоваться. Мне кажется, что она должна кое-что понимать в жизни.

Пёсика

21 июня

Я не только потрясён, — я подавлен. Я был у неё. Спросил, что она делает.

— Кидаюсь и лаю на всех, кто приходит в сад или лезет через забор.

— А зачем?

— Сторожу дом, яблоки и клубнику.

— Весь день?

— И день, и ночь.

— А когда дождь, снег?

— Мокну, мёрзну и лаю ещё сильнее.

— И... тебе... нравится эта специальность?

Пёс долго чесал задней лапой свои худые рёбра, наконец ответил:

— Собаке не приходится выбирать, чем заработать свой кусок...

— Мяса? — спросил я.

— Хо! — хмыкнул пёс. — Нам и кости-то не каждый раз перепадают. В моём брюхе всегда есть свободное место. Это уж я могу сказать точно.

— Разве хозяин тебя не любит? — удивился я.

— Ну, почему... — задумчиво ответил пёс. — На свой лад, наверное, любит. Хотя иной раз и огреет хвостом...

— Чем, чем? — оторопел я.

— Ты что, с луны свалился? Или ты не знаешь, чем люди удлинняют

Мы попрощались, и я побрёл домой совершенно убитый. Специальность собаки на цепи уморила бы меня насмерть в самый короткий срок.

Мой охотничий трофей

25 июня

Решил стать охотничьей собакой. Ночью сделал свой первый опыт — поймал мышь. И чуть было не поймал другую, но меня завалило дровами.

К счастью, все тотчас же проснулись и меня раскопали.

— Фли-бу-стерь! — с выражением, словно стихи, произнёс Пал Палыч. — Если ещё хоть раз подынешь ночью эдакий адский шум, я буду тебя привязывать!

Мама Маша и Витя сидели на корточках возле моего охотничьего трофея и удивлялись.

— А может быть, ты в самом деле фокс-крысолов? — спросила меня мама Маша.

А тётя Груша добавила:

— Фоме моему должно быть стыдно. Собака вместо кота мышей ловит.

— Молодец, Пиратыч! Только не ешь их, пожалуйста, — это противно! — сказал Витя.

себе руку, когда надо ударить собаку?!

Я не знал. Даже по телевизору никогда такого не видел.

— А ещё бывает, — продолжал пёс, — запустят в тебя камнем или поддадут ногой под живот.

Я зажмурился от ужаса и еле прошептал:

— За что это?.. За что?..

— А просто так, — ответил он. — По ходу жизни.

Я долго стоял молча, потом наконец спросил:

— А как тебя зовут, братец?

— Пират, — ответил он басом.

Я так и сел на свой укороченный хвост! Подумать только! Тоже Пират, а какая разница в судьбе!

Продолжение следует.

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

Помните, в прошлом рассказе мы проследили, как один общественный строй сменяет другой!

Помните, как Николай Экономов пытался изменить ход событий, но ничего у него не получилось: экономика брала своё, и история (даже в нашем рассказе) двигалась так, как ей и следовало двигаться!

Помните, как явился Продукт и заявил, что всё это происходит из-за него, из-за того, в частности, что стал он Товаром! А Экономов ему не поверил, и автор сказал, что читатели сами прекрасно во всём разберутся.

Так оно и вышло. Читатели во всём разобрались, хотя — надо признаться — задание было очень сложным.

Почему Продукт стал Товаром! Только ли потому, что его стало больше! Таким был наш первый вопрос.

Читатели единодушно ответили: «Нет!» «Товар,— пишет, например, Игорь Мусавилов,— это Продукт, на который меняют другой Продукт. Можно произвести сколько угодно лишнего Продукта, но если он никому не нужен, на него и сменять ничего нельзя. А если он не меняется, то и Товаром не станет». «Потому Продукт стал Товаром,— замечает Лена Васильева,— что стал регулярным обмен».

Всё это абсолютно верно. Мне остаётся только продолжить рассуждения читателей. Скажем, ты выписываешь «Искорку», она к тебе приходит по почте. А папа не в курсе. Он тебе купил «Искорку» в киоске. Теперь у тебя

два номера — один лишний, его надо бы сменить. Скажем — на «Костёр». Обращаешься к одному приятелю, к другому — ничего не получается, они тоже подписчики «Искорки». Иное дело, если один твой приятель выписывает «Костёр», другой — «Пионер», но каждый из них хочет ещё читать и «Искорку». А если ты с приятелями хочешь всю эту ситуацию предусмотреть заранее, то нужно в период подписной кампании разделить: один выписывает «Искорку», другой — «Костёр», третий — «Пионер». Но коль такое разделение произойдёт — учтите! — процесс обмена между вами должен уже быть постоянным.

Не стоит труда представить ту же ситуацию в экономике.

Я, земледелец, если буду только выращивать зерно, не отвлекаясь ни на что другое, смогу произвести его столько, что хлеба хватит всем. Я, скотовод, смогу снабдить всех мясом и шерстью. Я, литейщик, обеспечу металлом всех кузнецов. Я, кузнец, — орудиями труда. Я, кожевник или ткач, — всех портных тканью и всех сапожников кожей. Я, сапожник или портной, всех обуя и одену. То есть, если каждый из нас производит достаточно много продукта своего труда, мы все — общество — будем сыты, одеты и обуты. Но чтобы производить достаточно много, мы все должны заниматься только своим делом — разделиться по роду деятельности. А сделали — соединиться, чтобы продуктами своего труда обмениваться.

Вот в чём ответ на второй вопрос домашнего задания: то, что производить стали не Продукт, а Товар, — это хорошо или плохо! И не хорошо, и не плохо — необходимо, — а значит, правильно.

Отсюда виден ответ на третий вопрос: если Продукт уже не Продукт, а Товар, должны ли мы к нему хуже относиться!

В разговоре с Николаем Экономовым Продукт-Товар вёл себя настолько самодовольно и нагло, что многим читателям он не понравился. Некоторые на этом основании даже решили, что к подлому изменщику — Товару нельзя относиться так же, как к верному кормильцу — Продукту. «Если Продукт, — прочли мы в одном письме, — служил на пользу тому, кто его сделал, то Товар, наоборот, может навредить человеку. Продукт удовлетворял потребно-

сти людей, а Товару главное — деньги».

Но я же предупреждал — в экономике нельзя доверяться чувствам! «Нравится — не нравится», — это в экономике не аргументы. «Нужно или не нужно», «можно обойтись или нельзя обойтись» — вот что мы должны выяснить в экономике, прежде чем вынести суждение. Зло Товара надо искать не в нём самом, а в способе его распределения или присвоения.

В этом вся соль экономики.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

ЧТО ЧЕГО СТОИТ

Мы оставили нашего Мальчика в учениках у сапожника — одного из первых капиталистов... Время прошло, он обучился и сапоги тачал — любо-дорого.

Хозяин выделял нашего героя из прочих учеников и подмастерьев и откупил Мальчика у Феодала. Правда, двигало им не столько чувство благодарности, сколько поиски прямой и скорой выгоды — от смышлёного работника хозяйству прибыль.

Как только было закончено с купчей, Хозяин велел Мальчику позаботиться о возмещении расходов по его освобождению.

— А с чего возмещать, Хозяин?! — взмолился Мальчик. — Я ведь, почитай, за одни харчи работаю.

— А ты думай, — ухмыляется «освободитель». — На что тебе голова? Мне ведь тоже убыток терпеть не резон.

Хитрый Капиталист просто ждал от Мальчика новой экономической идеи. И дождался.

Порешили они так. Отныне Мальчик должен был не только шить башмаки, но и сбывать их на рынке, приобретать материал для новой работы — будто он сам хозяин части хозяйской мастерской, с той лишь разницей, что вся прибыль всё равно доставалась Хозяину в счёт погашения долга.

И Мальчик отправился на рынок.

КАК ПООБЕДАТЬ САПОГАМИ

Что за чудо средневековый рынок! В ту пору, когда не было ни универмагов, ни универсамов, на рынке продавалось буквально всё. Праздных зевак на рынке было мало. Большинство продавцов, сбыв товар, тут же становились покупателями. Чей-то продукт труда — кому-то предмет труда. Купля — продажа на средневековом рынке — операция производственного процесса.

И наш Мальчик, который пришёл сюда сбывать сделанные им сапоги и добыть кожи для новых, направился прямо в кожевенный ряд. И надо же — как раз какой-то юный кожевник раскладывал свой товар. Мальчик бросился к нему:

— Эй, парень, купи сапоги!

— На что мне твои сапоги? — удивился кожевник.

— Как на что?! Ты ведь кожу продаёшь. А я сапоги. Ты мне отдашь кожу, я тебе — сапоги. Товар — на товар. Мы же на рынке!

— Сам носи свои сапоги.

— Ну какой ты непонятливый! — возмущился Мальчик. — Сапоги — мой товар, я их на продажу делал. Сам, смотри, в деревянных башмаках хожу.

— И я в деревянных, — упорствовал кожевник.

— Ты ведь кожу для меня делал? — не отставал Мальчик.

— Ну да, для сапожника.

— А я как раз и есть сапожник. Давай меняться!

— Больно ты хитёр, — ещё больше насупился кожевник. — Конечно, ты из моей кожи новые сапоги сошьёшь. А как я из твоих сапог сделаю новую кожу? Мне нужны шкуры.

И Мальчик побежал к мяснику.

— Слушай, друг, мне тут попался такой тупой кожевник — никак не могу дела сладить. Я сапожник, мне нужна кожа. А этот болван никак не хочет продать её мне за сапоги. Смеяно, говорит, но только на шкуры. Не пособишь?

— А чего ж не подсобить?! — обрадовался мясник. — Мясо-то я трактирщику продаю, а шкуры ему не нужны.

— Вот спасибо! На тебе сапоги, давай шкуры, а то уже нету сил этого кожемяку уламывать.

— Погоди, погоди, парень, —

прервал его мясник. — А мне-то зачем эта барская обувка? Я шкуры обдирал, очищал, солил, в подвале держал... И чтобы теперь отдать их за ненужную мне вещь?! Найди дурака другого... — Но, видя, как опечалился Мальчик, посоветовал: — Сходи ты к трактирщику, небось он твои сапоги купит.

И правда. Оглядел трактирщик сапоги, постучал ногтём по подошве, голенища ощупал и сказал:

— Покупаю. Сколько просишь?

Мальчик замешкался:

— Я сейчас мигом к хозяину сбегая, спрошу, — а сам во весь дух помчался к кожевнику. — Благодарю меня, деревенщина! Век бы тебе здесь сидеть. Нашёл я продавца шкур. И покупателя сапог нашёл. Теперь хоть советом помоги — за сколько товар сбыть?

— А я почём знаю? — опять напыжился кожевник. — Твой товар — тебе и знать, сколько он стоит.

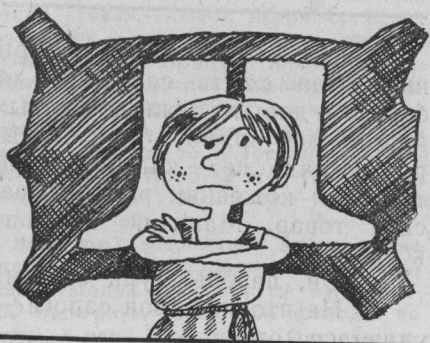
— Давай рассуждать. То, что мы предлагаем друг другу, то, что могут предложить нам, — всё товары.

— Товары, — согласился кожевник.

— Значит, меняться ими можно. Но они все разные.

— Ой, разные... — тут же сник кожевник.

— Вот в чём загвоздка! От того, что они разные, их и сравнить трудно. Были бы одинаковые — другое дело. Ведро воды я бы сменял на 50 стаканов воды — это без обмана. Но какой смысл менять воду на воду?! Мы и меняемся, чтобы получить что-то другое, чего у нас нет. А как соразмерить кожу с сапогами, сапоги с хлебами?.. Ну, попробуем, как с водой. На изготовление пары сапог ушла одна кожа, так? Значит, я за пару сапог должен взять с трактирщика стоимость одной кожи?

— Верно! — воспрял духом
кожевник. — По рукам!

— Я тебе дам — по рукам! —
обиделся Мальчик. — Выходит, я
неделю работал, чтобы только
получить материал на новую ра-
боту? А что я есть буду?

— Верно, — задумался кожев-
ник, — твой труд надо оплатить.

— Постой! — осенило Маль-
чика. — Мясник не хотел отдать
мне шкуры, потому что он на них
труд затратил. И ты не станешь
менять одну кожу на одну шкуру,
потому что затратил на неё труд.
Я всё понял! Это и есть общее
свойство всех товаров — на каж-
дый из них затрачен труд. Только
так их и можно сравнивать.

— Разные товары? — усом-
нился кожевник.

— Товары-то разные, а соз-
даны одинаково — трудом. А
труд измерить легко — временем,
на него затраченным. Вот я са-
поги сшил за неделю. А ты за не-
делю сделал сколько кож?

— Ну, если не считать вре-
мени, пока они отмокали, дуби-
лись, — две кожи сделал.

— Всё! Мы меняем неделю
твоего труда на неделю моего
труда, — справедливо?

— Справедливо.

— Твоя неделя труда — две
кожи, моя — одна пара сапог.
Значит, одна пара сапог меняется
на две кожи.

— Эх, — посоветовал кожевник,
— зря я напрягался. Можно было
мне за ту неделю и одну кожу
сделать — всё равно она стоила
бы пары сапог.

— Не пары, а полпары. С ка-
кой стати я или другой покупа-
тель должен оплачивать твою
лень?!

— Никуда не деться без тру-
да! — смирился кожевник. — Ну
ладно, между собой мы разобра-
лись, но ведь я у тебя всё равно
сапоги не покупаю и кожу тебе
за сапоги не продаю. Как другим
объяснить нашу справедливость?

— И объяснять не надо. Мы
с тобой всю неделю дурака не
валяли, всю неделю работали
честно. Значит, стоимость нашего
недельного труда равна стои-
мости недельного труда всех ос-
тальных. Этим каждый из нас
должен обеспечить свою жизнь
в течение трудовой недели.
То есть получить стоимость
хотя бы шести обедов в трак-
тире...

И Мальчик предложил ре-
шить задачу.

ЗАДАЧА СКОЛЬКО ВЗЯТЬ ЗА САПОГИ?

Итак, дано:

Изготовление пары сапог зани-
мает 6 дней работы Мальчика.

Изготовление кожи для этих са-
пог — 3 дня работы кожевника.

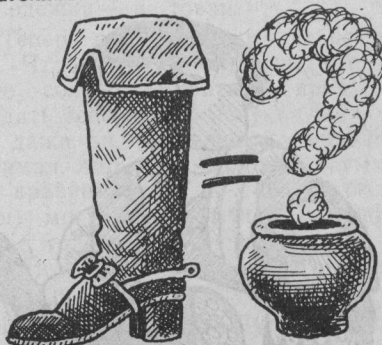
Подготовка шкуры для изготав-
ления этой кожи — 1 день мясника.

Стоимость недельного труда
Мальчика равна его потребности
в еде, то есть 6 обедам в трактире.

Спрашивается:

Сколько обедов должен взять
Мальчик с трактирщика за сапоги!

Не буду приводить решение.
Это — наше домашнее задание чи-
тателям.

А Мальчик с задачей справился быстро.

— Ты чего,— изумился кожевник и сглотнул слюну,— один столько обедов слопаешь?

— Ну, как! Они же не все мои. Я ведь при изготовлении сапог использовал результаты труда и кожевника, и мясника. Значит, три обеда должен тебе и один мяснику.

— Что ж получается?— возмутился кожевник.— Ты всю неделю сыт будешь, а я — всего три дня, а мясник — вообще один? Хитришь, брат! А сам говорил — стоимость нашего недельного труда одинаковая!

— Ну какой же ты непонятливый! Ты же за неделю сделал две кожи. А я тебе три обеда даю за одну. Сменяй другую кожу ещё на три обеда у другого сапожника — будешь так же сыт, как я.

— А мясник?— грозно наступал кожевник.— А мяснику — пять дней голодать, да?

— А мясник,— в раздражении ответил Мальчик,— вообще на мои сапоги один день работал. Остальные пять дней он только тушу разрубал, чтобы сдать мясо трактирщику. Можешь сам подсчитать, сколько он получит с трактирщика за эту работу — я-то здесь при чём?... Ну, подсчитал?¹

— Подсчитал,— успокоился кожевник.

¹ Хотя вопрос адресован кожевнику, ответ и ты на него — это входит в наше домашнее задание.

— Теперь понятно, что стоимость нашего недельного труда одинаковая?

— Это-то я понял,— кожевник задумался не на шутку.— Ты мне другое объясни, раз уж сообразительный такой. Трактирщик отдаст нам... обедов² — оплатит и мой труд, и твой, и мясника. А что ему останется, если он только отдаёт? Трактирщик вообще при таком порядке должен вконец обеднеть, а вроде не беднее нас?!

— Да уж, не беднее. Он ведь ничего не отдаёт даром. Он меняет свой товар — обеда — на наши товары. Каждый оплачивает только то, чем пользуется. Я в неделю пользуюсь половиной твоего недельного труда и шестой частью труда мясника — с меня вам 4 обеда. Он в эту неделю приобретает мою неделю, неделю мясника и пол твоей недели — с него нам... обедов³. Но он-то эти обеда приготовит из той туши, которую разрубил и отдал ему мясник (тоже не задаром). Так что всё по справедливости.

— Слушай,— вдруг спохватился кожевник,— а ты в следующее воскресенье тоже придёшь торговать? Но ведь трактирщик за неделю твоих сапог не изнасит. Что делать будем? Прогорим!

— Подумаешь! Найду другого, кому сапоги нужны. Кузнецу, например, продам.

— Хорошенькое дело! Что же мы — железо есть будем?

— Зачем железо? Я же теперь всё вычислил. Возьму с кузнеца стоимость причитающихся за сапоги обедов — и всё.

— Ну-у,— разочарованно протянул кожевник и стал (довольно-таки похоже) передразнивать Мальчика:— Неделя кузнеца равна неделе жнеца, мешок овса —

² Вставь вместо точек число — это тоже входит в домашнее задание.

³ И здесь вставь число вместо точек — этим ты до конца выполнишь наше домашнее задание.

половине жеребца... Опять надо считать. А вдруг трактирщику не нужны ни подковы, ни гвозди?

— Успокойся,— рассмеялся Мальчик,— я ведь уже всё вычислил. Сапоги продам кузнецу за деньги, и деньгами же с трактирщиком за обеды расплачусь. Стоимость легче всего выразить в деньгах. Потому что это такой товар: на всё буквально меняется. Их и придумали для того, чтобы легче было меняться. Мой недельный труд стоит шесть обедов. Шесть обедов стоят три золотых. Потому что для добычи золота на три монеты требуется неделя работы старателя. Ведь стоимость недельного труда каждого из нас — одинакова. Главное — знать **СТОИМОСТЬ**.

Мальчик был спокоен: теперь он знал, как наладить производство и обмен — он знал **СТОИМОСТЬ**. Разберёмся и мы, что она такое.

СТОИМОСТЬ

Если я скажу: «Вода», — что ты представишь себе? Реку? стакан газировки? Графин на столе в учительской? Или просто формулу — H_2O ? Всё зависит от того, в чём ты испытываешь потребность прежде всего.

Если искупаться хочется (наконец-то каникулы, лагерная смена, а тут погода испортилась) — тогда представишь реку. Если, наоборот, жара и хочется пить — тогда стакан газировки или даже графин. А может, ты уже искупался и жажду утолил и теперь занимаешься химическими опытами и озабочен одним: закипит серная кислота от воды или нет? Тогда — формулу.

А ведь я лишь одно слово сказал: «Вода». Но представить (даже просто представить!) воду «вообще» — невозможно. Только в виде чего-то.

Так и труд. Труд «вообще» — неразличим. Это всё равно, как если бы вызвали тебя к доске, а ты — глаза долу и повторяешь: «Я учил...» Ну и что, что учил? Ответить не можешь — двойка. Был труд, не было ли — никто этого знать не знает, если нет результата. Труд должен быть обязательно воплощён в Продукте. При разделении труда и товарном производстве — в Товаре.

Конечно, тут дело непростое. Товар можно осмотреть, взвесить, пощупать, а стоимость — нельзя. Но в общем-то, ничего загадочного. Мы же не удивляемся, что можно пощупать, попробовать, даже съесть яблоко, а накопленные яблоком соки земли, живительный свет солнца, сложные химические превращения увидеть нельзя. Хотя именно это и делает яблоко яблоком. Но ведь и Товар делает Товаром накопленный в нём и нужный нам труд. Чему же удивляться? Как собственные уши можно увидеть только в зеркале, так и стоимость можно распознать только в отражении — в обмене.

Буратино разобрался в этом буквально в первый день жизни. Чтобы купить билет в кукольный театр, он предложил расчётливому мальчишке и свою чудесную бумажную курточку, и полосатый колпачок, а тот ответил: «Ищи дурака!» В обмене, затеянном Буратино, труд папы Карло над курточкой и колпачком не проявился как стоимость. А почему? Разве папа Карло плохо трудился? Конечно, нет. Просто его труд удовлетворял потребности только собственного сына, но обнаружилось это уже при обмене. И при обмене же обнаружилось, что труд, вложенный в «Азбуку», стоимость представляет. Её-то Буратино и предложил в качестве товара, когда выяснилось, что его одёжка — не товар.

Теперь обратим внимание вот на что. Чтобы получить несчастные четыре сольдо, Буратино пришлось продать совершенно новую «Азбуку». Но даже он, деревянный мальчик, понимал, что пять золотых (сумма, по крайней мере, в 125 раз бо́льшая) могут превратиться в мешок денег только в Стране Дураков. И, естественно, из этого ничего не получилось.

Еще бы — Страны Дураков нет и не было никогда. В любой стране, при любых условиях стоимость (а в

товарном производстве её лучше всего выражают деньги) увеличивается, только если вложен дополнительный труд — хоть свой, хоть чужой.

Уж лучше бы Буратино посеял на поле Чудес не пять золотых, а пять зёрен пшеницы, да полил их, да удобрил, дождался бы всходов, собрал урожай, смолот из него муку, испёк из неё булочку да не сам её съел, а продал... Вот тогда бы, действительно, с поля Чудес можно было бы собрать больше, чем в него закопано.

Значит ли это, что сумма денег не может принести ещё большей суммы денег? Может. Только для этого надо истратить деньги на производство. Раз идёт производство, значит, вкладывается труд, значит, создаются новые стоимости, которые, собственно, приносят новые деньги. В этом как раз видит главную цель жизни

Капиталист. Ему всё равно, что производить и для кого — лишь бы росли стоимости.

Цель социалистического производства иная — удовлетворение потребностей общества. Мы производим не Товар — Продукт для других, а Продукт для себя. И потому заинтересованы в снижении его стоимости.

А как можно уменьшить стоимость?

Чем меньше рабочего времени потрачено на изготовление Продукта, тем ниже будет его стоимость.

А что значит — затратить меньше времени?

Это значит — нужно повысить производительность труда. Чем выше производительность труда — тем ниже стоимость Продукта. Потому нет для нас задачи важнее.

МИЛЛИОНЫ В КОРИДОРЕ

Хочешь снизить стоимость промышленного производства страны! Сам. Непосредственно. Лично. И уже сейчас. Хочешь?

Ну, тогда пойдй — выключи свет в коридоре.

Понимаю, что эта идея вызвала в тебе некоторое недоверие. Всю зиму едва ли не каждый вечер предлагал выключить ненужные электроприборы диктор телевидения. Едва ли не в каждом учреждении висят таблички: «Уходя, гасите свет!». Ну, мы выключаем. Или не выключаем. Мелочь. Все мы в своём доме экономисты и считать умеем: один киловатт-час электроэнергии обходится нам в 4 копейки; один человек за один день расходует электричества всего на одну копейку.

Но это — цена киловатта и цена дневного расхода электроэнергии. Не стоимость. А стоимость вмещает в себя труд, затраченный на производство этого киловатта. Это труд шахтостроителя, шахтёра, строителя ТЭЦ, в которой будет сжигаться добытый шахтёром уголь, труд энергетика, обслуживающего ТЭЦ, шофёра, доставившего уголь с шахты на станцию, же-

лезнодорожника, ведущего составы с углём из мест добычи в места потребления, строителя ЛЭП, тянущего линии высоковольтных передач через тундру, тайгу, горные перевалы и великие реки, труд городского монтажника трансформаторной подстанции...

Сотни тысяч людей заняты в нашей стране производством электроэнергии. Малейшая заминка с подачей энергии тут же скажется снижением производительности труда, а значит — повышением стоимости нашего Продукта.

— Но при чём тут я! — спросишь ты.

А ты — выключишь свет в коридоре. Темнее тебе от этого не станет — ты ведь сейчас «Искорку» читаешь в комнате, где светло. Денег ты много своей семье не сэкономишь — за электричество мы платим копейки. Однако если ты, если все мы проследим, чтобы хотя бы одна лампочка в 40 ватт (хотя в основном у нас лампочки большей мощности) горела в каждой квартире лишь на час меньше, это позволит дополнительно выпустить более миллиона тонн стали или добыть 24 миллиона тонн нефти (с газовым конденсатом), изготовить 800 миллионов метров ситца.

Всё это — без дополнительных затрат энергии. Значит, стоимость промышленного производства снизится на миллионы.

Так что пойдй и выключи свет в коридоре.

У вас есть велосипед!

Если есть, садитесь на него и — поехали!

Седло удобное, руль на месте, педали крутятся, тормоз, когда надо, надёжно делает своё дело. И по асфальту велосипед едет, и по грунтовой дороге, и по лесной тропинке. Едет и не трясёт!

А знаете ли вы, кто придумал велосипед?

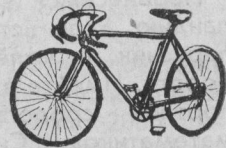
Если не знаете — разворачивайте и возвращайтесь. Сначала узнайте, кто изобрёл велосипед, а уж потом и покататься можете.

Но история велосипеда — дело не простое. Поэтому прежде всего отыщем папку с надписью «Дело». И в эту папку будем складывать все записи о велосипеде и его изобретателе.

Лев Гаврилов

„ДЕЛО“ О КОСТОТРЯСЕ

Начнём со слова «велосипед». Поскольку оно явно не русское, заглянем в словарь иностранных слов. Так и есть! Французское слово — *velocipede*. Однако произошло оно от двух латинских. *Velox* — что означает быстрый, и *pes* — нога. Получается простое русское выражение, похожее на имя молодого индейца — «Быстрая нога».

Ну что ж, первая запись сделана. А теперь пойдём в библиотеку. Попросим самый новенький энциклопедический словарь и обнаружим... нет, нет в нём ни слова об изобретателе французско-латинского транспортного средства. Ах, так! Махнём сразу лет на сто назад — в толковый словарь В. Даля. Слова «велосипед» у Даля вообще нет. Делаем вывод: в ту пору велосипед ещё не изобрели и составитель словаря о нём ничего не знал. Придётся брать «Энциклопедию». В «Энциклопедии» сказано, что в Париже в конце XVIII века появились «беговые машины». Но о том, кто их изобрёл, — ни слова.

Зато в «Энциклопедии» перечислены изобретатели «довелосипедных машин». Запишем их имена, положим в папку и отправимся вслед за ними.

Шотландия. XVIII век. Архивы Ламбетского дворца. Среди бумаг отыщем одну, она принадлежит перу Джона Непера, и в ней, кроме прочих изобретений, есть предложение о создании подвижной ко-

лесницы, непробиваемой для выстрелов из мушкета и передвигаемой, как пишет Непер, «теми, кто внутри». Так что, если это и «беговая машина», то она всё же ближе к танку, чем к велосипеду.

Теперь обратимся к изобретениям великого художника и инженера Леонардо да Винчи. Есть среди его конструкторских работ повозка. У повозки — длинный лафет и два колеса, а между колёсами на вертикальной оси — крестовина с подвешенными на ней дубинами (булавами). Что это такое? Оказывается, гениальный итальянец изобрёл «новый вид оружия». Этакого заводного рыцаря, внутри которого находились пружины. Эти пружины автор предлагал заводить лошадыми, потом нацеливать повозку на

Парусник
Симона Стевина
1600г.

ряды врагов, и пусть она катится, размахивая тяжеленными булавами, нещадно молоты не успевших убежать. Да, это, пожалуй, тоже не велосипед. Но... Ого! Если бы вы видели следующую страницу записей Леонардо да Винчи, то наверняка бы не удержались и тоже воскликнули: «Ого!». Но об этой странице позже. Об этом в конце наших поисков.

Перенесёмся в 1600 год, в Голландию: Если встретится на пути парусник на колёсах, уступите ему дорогу. Имейте в виду — это транспортное средство, изобретённое математиком Симоном Стевином, который ввёл в Европе десятичные дроби, отрицательные корни уравнений и доказал закон равновесия тела на наклонной плоскости. Красив парусник! Казалось бы, всё здорово. Никаких лошадей! Есть ветер — едем, нет ветра — стоим. И хотя англичанин Уайльдгос приделал к паруснику ручной привод и пассажиры могли докрутить колёса машины в безветренный день до места назначения, не прижился парусный дорожный транспорт Симона Стевина.

Но поиски самодвижущегося аппарата продолжались, и в 1752 году его изобрёл в России человек по имени Леонтий Шамшуренков. Об этом стало известно в 1900 году, когда «московский коллекционер П. И. Щукин, в числе прочих собранных им документов опубликовал копию с дела о самобеглой коляске... и доношение самого изобретателя о его новых изобретениях — верстомере и санях, которые будут ездить без лошадей». А кто же такой Леонтий Шамшуренков? Оказывается, сидел он в остроге, в Нижнем Новгороде, и там предложил начальству смастерить «самобеглую коляску», передвигаемую ездоками с помощью рычагов и педалей. Выпустили мастерового из острога, и «самобеглая коляска» была им сделана. Наверное, Шамшуренков и сам на ней прокатился, и другим показал. Предложил начальству попробовать. А начальству зачем пробовать? У него коляски с тройками лошадей и катятся куда там лучше «самобеглой»! Поэтому похвалили изобретателя, по плечу похлопали и... отправили обратно в нижегородский острог.

ИСКОРКУ

СПРАШИВАЮТ —

«Дорогая Искорка! К тебе обращается твой читатель Фролов Сергей. Я очень хочу быть лесником. Скажи мне, пожалуйста, куда надо поступать, чтобы быть лесником. И какие надо делать упражнения, чтобы быть лесником!»

До свидания

Фролов Сергей,
4-й класс.

ЛЕС ЗА ДЕРЕВЬЯМИ

Это письмо ждало своей очереди долго. Осень прошла, зима, весна наступила, лето пришло. Тут мы и решили: «Пора!» — и отправились в Лесотехническую академию имени С. М. Кирова на лесохозяйственный факультет к его декану — доктору сельскохозяйственных наук профессору Борису Васильевичу Бабинову.

— И зачем вы лета ждали? — спросил корреспондента профессор. — Осень, весна, зима, лето — лесник работает всегда. Лесу глаз и забота нужны всё время, как и человеку, без выходных и отпусков. Только сама ра-

Коляска
Кулибина
1791г.

Когда мы положим в папку выписки из этой грустной истории, наверняка подумаем об Иване Кулибине и обязательно удивимся: неужели знаменитый русский механик не попытался создать самоходный экипаж? Пытался. Даже два. Трёхколёсный и четырёхколёсный. Чертежи «самокаток» Кулибина не сохранились, но в архивах есть описание самоходного экипажа: «Слуга становился на запятки в приделанные туфли, подымал и опускал ноги попеременно, без всякого усилия, и одноколка катилась довольно быстро». Так что в 1791 году в России всё-таки катались на «самобеглой коляске».

А теперь в Нюрнберг: XVII век. О Стефане Фафлере, нюрнбергском часовщике, пишут по-разному. В одних книгах по истории техники говорится, что он был безно-

гим, в других сообщают, что он был парализован, а в третьих уверяют, что часовщик хромал. Во всяком случае из книг ясно, что передвигаться Стефану Фафлеру было не просто, и ему ох, как пригодилась бы «самобеглая коляска», но такая, чтобы её можно было приводить в действие руками.

Слышал когда-то часовщик о своём земляке, нюрнбержце Иоанне Гантше, создателе повозки, о которой в 1649 году повелада нюрнбергская хроника: «...и проходит такая повозка в час 2000 шагов; можно останавливаться по желанию, можно двигаться по желанию, и всё делается часовым механизмом». Повозка была четырёхколёсная, между передними колёсами — фигура скачущего мифического существа, возок украшен деревянной резьбой. Не зря её купил в 1650 году шведский король. Для торжественных выездов. Но Стефана Фафлера привлекла не красота повозки, а то, что двигалась она с помощью часового механизма. А в часовых механизмах часовщик Фафлер должен был разбираться неплохо. Соорудил он трёхколёсную повозку, на переднем ко-

бота в зависимости от времени года меняется.

— А какая это работа? — спросил корреспондент «Искорки».

— Разная. Очень разная. — Борис Васильевич задумался. — Давайте я сначала отвечу на Серёжин вопрос. Чтобы стать лесником, надо поступать либо в техникум лесного хозяйства, либо к нам, в академию, на лесохозяйственный факультет. Станет Серёжа лесоводом, а дальше уж будет выбирать...

— А что же выбирать, Борис Васильевич? — удивился корреспондент. — Закончил учиться... и в лес.

— А в какой лес, позвольте узнать? — возмутился Борис Васильевич. — У нас в стране двенад-

цать тысяч лесничеств. Расположены они всюду — и в Сибири, и в горных районах, и около больших городов... Так что — к чему больше лежит сердце... Это во-первых. А во-вторых — чем заниматься? Разведением и посадкой леса? Защитой леса от пожаров? Составлением планов лесов? Чем?

— Так вы же сами сказали... «получит специальность лесовода»... — смутился корреспондент. — А тут вон сколько всего!

— То-то и оно, — улыбнулся Борис Васильевич. — Специальность одна, а профессий много. Правильно. Но ведь лес и экономике страны служит, и её сельскому хозяйству, и земле всей, ведь лес — это лёгкие планеты. Лес — это урожай, стройки,

Повозка Стефана Фафлера
1685г.

лесе сделал внутреннее зацепление и, вращая руками ось маленькой шестерёнки, сцепленной с передним колесом, поехал. Повозка вышла не очень красивая, но удобная для больных ног. Крутил Стефан Фафлер две ручки по обе стороны от переднего колеса и не спеша ехал куда ему надо. Делал он те же самые движения, что и мы, когда едем на велосипеде. Только мы двигаем педали ногами, а Фафлер пристроил шестерёнчатую передачу возле рук. Было это в 1685 году.

Итак, в нашем «Деле» материалов накопилось немало, а велосипед-то всё ещё никто не изобрёл!

Так вот, в 1808 году в Париже появились двухколёсные беговые ма-

шины. А что такое два колеса для повозки в те каретные времена? Два колеса, поставленные цугом, неустойчивы. Нужны четыре или три. В конце концов, повозка может иметь два колеса на одной оси, но тогда лошадь должна быть вместо третьего. А два колеса друг за другом — это научно-техническая революция!

Чтобы понять, что такое двухколёсная беговая машина тех времён, возьмите ваш велосипед, намертво закрепите руль, снимите с колёс шины, снимите педали, цепную передачу, снимите седло и привяжите к раме дощечку. Теперь садитесь и поезжайте. Упритесь ногами в землю и начинайте ими медленно перебирать. Отталкивайтесь от земли, отталкивайтесь! Если на пути канавы, упритесь обеими пятками в землю и тормозите. Затем поворачивайте. Поднимите переднее колесо и поверните беговую машину в сторону от канавы. Повернули? Тогда поехали дальше. Неудобно? Полноте, несколько лет в Европе ездили именно таким образом, потому что только в 1813 году усовершенствованную беговую машину создал сын баденского советника, крестник баденского правителя барон Карл Дрез (Drais) — лесничий и камергер. Он ввёл поворот-

бумага, да сколько ещё всего...

— А по-моему, лес — это прежде всего красота. Ведь красота — это тоже важно, да?

— Конечно, — профессор кивнул головой. — И для сохранения этой красоты работают лесоводы. Они выращивают в питомниках деревья и кустарники, чтобы посадить их на место вырубки. Лес растёт долго, лет 70—100, целой жизни может не хватить, чтобы новый лес увидеть. Но зато его увидят ваши дети. А вот чтобы пришли они в здоровый лес, его надо охранять. От вре-

дителей-насекомых, от пожаров, а подчас — и от людей. И этим занимается в лесу лесник. Он — и врач в лесу, и рабочий, и учёный...

— Ой, да это сколько же надо терпения! — воскликнул корреспондент.

— Не только терпения, но и знаний, — сказал профессор. — Лесничий — и биолог, и ботаник, и зоолог, и химик, и инженер, и... даже шофёр.

— И всему этому учат в Лесотехнической академии?

— Конечно. Я ведь рассказал

ный руль и регулировку высоты седла, на что и получил патент. Годы изобретения беговой машины не прошли даром для барона Дрезе. Его уволили из лесничих, лишили звания камергера. Некогда было Карлу Дрезе заниматься дворянскими пустяками. Он был занят делом. Он изобретал велосипед. Пусть он уже не лесничий, не камергер, зато его машину называют «дрезиной». А это уже что-то. Баронов много, а «дрезину» изобрёл он — Карл Дрез!

Побываем снова в 1813 году. В газете той поры — «Баденском магазине» — опубликовали короткое сообщение: «Камергер и лесничий барон Дрез представил изобретённую им тележку, которая движется быстро и легко без лошадей, усилиями седока; раньше изобретатель представлял свою машину правителю, теперь императору России». Карл Дрез ловко ездил на своей «дрезине». Он доказал, что на его машине можно передвигаться в четыре раза быстрее, чем на лошади. Доказательство было простым и наглядным. Дрез проехал от Карлсруэ до французской границы за четыре часа, а на лошади это расстояние преодолевали за шестнадцать часов.

Когда Карл Дрез получил патент на беговую машину, он решил сде-

лать её доступным видом транспорта. И что скрывать, его машина стала популярной. Дрез начал производить «дрезины» и торговать ими. Будущий велосипед стоил от 44 до 100 гульденов. Но изобретатель не разбогател. Когда он в 1851 году умер, всё его имущество оценили в тридцать гульденов. Правда, немецкие велосипедисты, объединённые в «Союз германских велосипедистов», в 1893 году поставили Карлу Дрезу памятник в городе Карлсруэ. Этим и законным историю о бароне-слесаре Карле Дрезе, бывшем камергере и лесничем, человеку, которому мы обязаны тем, что велосипед завоевал своё место в нашей жизни.

только о нашем лесохозяйственном факультете. А есть ещё инженерно-экономический, химикотехнологический, лесомеханический и другие. Академия — это целая республика будущих учёных, практиков, лесных специалистов.

— Борис Васильевич, — вновь обратился корреспондент к профессору, — Серёжа в своём письме спрашивает также, какие надо делать упражнения, чтобы стать лесником. На такой вопрос можно ответить?

— Трудновато, но можно. Вот,

например, лесовод, который занимается охраной лесов от пожаров и вредных насекомых, может работать лётчиком-наблюдателем. Здесь уже нужны упражнения, «чтобы быть лётчиком»... А таксаторы? Это — лесоводы, которые составляют карты лесов, оценивают качество древесины и запас её. Всё лето таксаторы — в походах, экспедициях. У них зрение должно быть отличное, выносливость, физическая подготовка... По-моему, надо заниматься туризмом, ориентированием на местности и во-

А кстати, кто придумал слово «велосипед»?

Поискем ответ в старых книгах. Вот интересное сообщение. В 1836 году английский медик Дальзель придумал к «игрушечной лошадке» (видите, ещё одно название) подножки, чтобы можно было вращать колесо ногами. В книгах тридцатых годов нашего века встречается дата — 1840 год, а рядом — имя автора велосипедных педалей англичанина Макмиллана. В других книгах честь изобретения педалей приписана немецкому механику Фишеру. Педали украсили беговую машину в европейских странах в разное время. В Англии в 1836—1840 годах, в Германии — в 1854 году. Но нас должно заинтересовать сообщение Большой Советской Энциклопедии, изданной в 1928 году. В ней есть такая строчка: «В 1855 году француз Мишо ввёл первые педали». А начав разыскивать француза Мишо, мы узнаем, кто придумал слово «велосипед».

Мишо был фабрикантом. Его фабрика производила беговые машины Дреза. Мишо приписывают ряд изобретений, в том числе тормоз и педали, но главное, утверждают, что он придумал название велосипед.

Почему он изменил прежнее название? По многим причинам: когда появились педали, название «беговая машина» явно не годилось. «Дрезина» происходила от имени автора и, пожалуй, из этих соображений не устраивала фабриканта и изобретателя Мишо. В Англии машину довольно долго называли «костотрясом», или «машиной, вытрясывающей душу» (boneshaker). Согласитесь, что продавать машину с таким названием рискованно. Можно обанкротиться. Поэтому фабрикант Мишо придумал новое название — «велосипед», «быстрые ноги». Теперь весь мир называет велосипед так, как его назвал француз Мишо.

Итак, к велосипеду прибавились тормоз и педали. А так как педали расположились на оси переднего колеса, то для увеличения скорости езды переднее колесо стали делать большим, чем заднее. И не забудьте, что велосипед был деревянным. Пальма первенства введения металлических колёс и спиц отдана англичанам Мадисону (1867 год) и

обще любимым спортом. А самое главное, лесник должен быть человеком ответственным, стойким, честным. Вот и вы тоже отметили — терпеливым он должен быть, а не так — шалай-валяй. С наскоку, с налёту лес не любит. Лес уважения требует.

— Да! — протянул удивлённо корреспондент. — Вон какая, оказывается, это работа!..

— Вот такая, значит, эта работа, совершенно верно, — согласился Борис Васильевич. — Знаете, есть такая поговорка: «За деревьями леса не видит»?

— Ну?..

— Так вот эту поговорку лес-

ничий должен своим трудом перевернуть. И весь лес увидеть, и каждое дерево в отдельности. Да мало того — за лесом лесник должен увидеть человека, страну, экономику страны, и всю землю, далеко-далеко...

На этом корреспондент «Искорки» с профессором Борисом Васильевичем Бабиковым расстался. А когда шёл по Институтскому проспекту, где стоит Лесотехническая академия, всё думал: «Здорово здесь учиться! Молодец Серёжа, что хочет стать лесником!»

Кауперу (1870). Попробуем прокатиться на велосипеде 1885 года (он ещё без цепной передачи, она была применена впервые англичанином Лоусоном в 1879 году).

Эту машину называли «пауком». Огромное переднее колесо, диаметром до 180 сантиметров. Над ним седло. Заднее колесо в шесть раз меньше переднего. Подойдите к «пауку», не бойтесь. Не беда, что седло выше вашей макушки. Приставьте велосипед к садовой скамейке. Влезайте в седло и не размахивайте руками. Поехали. Кто сказал — страшно?! Ничего страшного, но на всякий случай будьте осторожны и не жмите сильно на педали. Как утверждает инструкция по вождению велосипеда «паука», «на неровной дороге ездить неудержимо опрокидывается головой вперёд, если под колесо попадает какое-либо препятствие, способное значительно уменьшить его движение». Слезайте. Имейте в виду, что вы ездите на велосипеде, колёса которого были одеты в резиновые, но не дутые шины. Первым надел их на велосипед француз Тевенсон. В 1865 году.

Велосипед «паук» не стал любимым транспортным средством. Зато велосипедом увлеклись спортсмены. Ах, какие это были смелые люди! Они мчались по пыльным дорогам Европы, давили кур, собак и до обморока пугали дам. Они рисковали головой в полном смысле этого слова. Причём особую благодарность велосипедистам следовало бы вынести французскому изобретателю Сирурею, подарившему велосипеду шарикоподшипники в 1869 году.

— Всё это хорошо, — скажете вы, укладывая в папку новые материалы, — но когда же изобретут велосипед, похожий на наш?

Ну что ж, мы и в самом деле подходим к моменту рождения равноколёсного велосипеда. Его называли безопасным велосипедом — «safety». В России эти машины именовали «бициклетами». А массовое производство «safety»

было организовано в Англии в 1893 году фирмой «Старли и Сетон», и велосипед к тому времени уже имел цепную передачу. При этом машина была с новинкой, за которую велосипедисты должны были бы низко поклониться ирландскому ветеринару Данлопу. Во многих книгах его фамилия пишется Денлоп. Но если мы откроем 364 страницу энциклопедического словаря 1980 года, то во второй строке сверху прочтём: «Данлоп-Пирелли Юнион — англо-итальянская резинотехническая монополия...» Будем величать ирландского ветеринара Данлопом вот почему.

Произошло это в 1890 году. У ветеринара Данлопа был сын, а у сына детский велосипед. У велосипеда сына Данлопа не было никаких шин. Зато у сына Данлопа, видимо, был несносный характер, и он своими жалобами на велосипедную тряску заставил родителя разрезать резиновый шланг для поливки сада. Данлоп-старший не только разрезал шланг, но надул его воздухом и соединил связанные концы. А то, что получилось, надел на колёса детского велосипеда. Но из такого новшества ничего бы не вышло, если бы Данлоп не был ветеринаром. Бесспорно, надутый садовый шланг соскочил бы с велосипедного колеса, и трудно сказать, чем бы закончился эксперимент для родителя, не имея он под рукой бинт, которым перевязывают животным ра-

ны. Данлоп накрепко примотал шланг к колёсам и создал сразу и шину и покрышку. Не думайте, пожалуйста, что ветеринар тут же поспешил патентовать новую деталь велосипеда. Ничего подобного. Он хлопнул своего сына по заднему месту и отправил его кататься на улицу, лишь бы не мешал старшим.

И тут ветеринару повезло. Когда на улицах Дублина появился маленький Данлоп на велосипеде с колёсами, «обутыми» в надутый садовый шланг, его заметили взрослые велосипедисты, страдавшие от жёсткости «костотряса». Один из них, разглядывая прибинтованный шланг, совершенно искренне сказал о важности изобретения, и, мол, не вредно бы взять на него патент. Надо полагать, сын Данлопа передал отцу уличный разговор, и тот не просто получил патент на камеру и покрышку, но и стал основателем шинной фабрики. А может быть, эта легенда впоследствии и была выдумана фабрикантом Данлопом, имя которого стоит первым в названии англо-итальянской монополии «Данлоп-Пирелли Юнион»? Ведь известно, что пневматические шины изобретены Томпсоном ещё в 1845 году.

Окончательно беговая машина стала велосипедом в 1898 году, после того, как француз Моро изобрёл свободное колесо.

Всё! Прошло 85 лет, и деревянная рама с двумя деревянными колёсами стала цельнометаллическим велосипедом.

Но мы забыли о том «ого!», которое обещали объяснить в конце нашего исторического путешествия в технику. Мы остановились тогда на одной из страниц записей Лео-

нардо да Винчи. Представьте себе — на этой странице изображён велосипед! В шестнадцатом веке гениальный инженер изобрёл велосипед с педалями, рулём, седлом и цепной передачей! Откройте книгу из серии ЖЗЛ, посвящённую Леонардо да Винчи, и вы увидите велосипед. В этой же книге вы найдёте рисунки да Винчи, где изображены шариковый подшипник и цепная передача.

Почему же люди Земли, преклоняющиеся перед гением художника Леонардо да Винчи, так небрежно отнеслись к наследию инженера Леонардо да Винчи? Беда в том, что записи великого художника и инженера, после его смерти 2 мая 1519 года в Клу близ Амбуаза во Франции, были рассеяны по Европе и некоторые из них нашлись только четырёхста лет спустя. Поэтому многие гениальные предвидения Леонардо да Винчи стали известны уже после их создания на нашей планете.

Вот теперь совсем всё!

Закроем нашу папку с надписью «Дело».

Но история велосипеда продолжается. Его изобретают вот уже сто лет после изобретения в том виде, в каком он существует сегодня.

Появились велосипеды, на которых можно ездить вдсятером.

Люди ездят на складных и пластмассовых велосипедах.

Есть велосипеды, где крутят колёса с помощью передач и ногами и руками.

Велосипед изобретают и будут изобретать ещё долго, потому что человек не может жить без нового. Не может! И правильно делает.

Рис. Н. Котляревского

Исполнилось 800 лет «Слову о полку Игореве». Это событие отмечается в нынешнем году не только в нашей стране, но и, согласно решению ЮНЕСКО, во всём мире.

«Слово о полку Игореве» — лучшее произведение древнерусской литературы. Безмерна его роль в истории нашей культуры. «Благоуханным цветком» назвал древнерусскую поэму В. Г. Белинский — так высоко поэтическое звучание «Слова». Но сегодня нам особенно близко в нём огромное чувство любви к Родине, к родной земле. «Любовь к Родине, — пишет Д. С. Лихачёв, — подняла его над пределами своего времени, сделала его произведением бессмертным и общечеловеческим — равно близким всем людям, подлинно любящим свою Родину и свой народ».

«Слово о полку Игореве» было источником вдохновения для многих художников, композиторов, актёров... Мы вам покажем сегодня гравюры, которые сделал к «Слову» замечательный художник Владимир Андреевич Фаворский, и попробуем приоткрыть немного дверь в его творческую лабораторию.

В подписях под рисунками использованы отрывки из книги В. А. Фаворского «Рассказы художника-гравёра».

К. БОРИСОВА

Дело всей жизни

Это произошло вскоре после войны.

Ещё не были восстановлены ни Севастополь, ни Волгоград, и жили ещё впроголодь, и носили обноски, а в детском издательстве уже планировались для детей новые книги — задумали целую серию произведений классиков, иллюстрированных лучшими художниками.

Пригласили в Детгиз и Владимира Андреевича Фаворского, уже в те годы знаменитого художника-графика. Положили перед ним список книг, спросили — какую из них он хотел бы отиллюстрировать. А в списке — былины, «Слово о полку Игореве», «Борис Годунов», Лев Толстой...

Фаворский молча указал на «Слово о полку Игореве».

Художник уже несколько раз принимался за «Слово», и хотя его прежние работы были интересны — теперь они его не устраивали, казалось, слишком давно они были сделаны. До войны ещё.

Война застала пятидесятилетнего В. А. Фаворского в Москве. Вместе с семьёй и студентами его эвакуировали в глубокий тыл, а старший сын Никита ушёл добровольцем на фронт. Никита Фаворский не вернулся с войны — он пропал без вести.

«Я поместил тут автора «Слова». Он воин, он в кольчуге, но он с гуслями: он пел песни и играл на гуслях воинам и князьям русским, а сейчас говорит им о народной беде».

Когда подрос младший сын Иван, он тоже пошёл в армию. И Иван Фаворский не вернулся с войны — он погиб под Кёнигсбергом. Горечь от гибели сыновей и радость от победы над фашизмом — всё это заставило художника предьявить к своим довоенным работам иной счёт.

Фаворский долго обдумывал новое графическое решение «Слова». «Ведь я сегодняшний человек, — писал он. —

«Начало похода. Затмение солнца. Игорь обращается к войску и зовёт идти к Дону, на половцев... Кони тревожатся, воины их сдерживают и сами тоже насторожились, слушая Игоря».

Я должен передать стиль «Слова» как современный человек, живущий в Москве в двадцатом веке в социалистическом государстве». «Меня больше всего поразило то, что задача была реалистической... И хотя народ живёт уже совсем не той жизнью, какая описывается в эпосе, но народ вечен. Материалы для иллюстраций даёт сама жизнь».

Начиная работу, Фаворский прежде всего посчитал, что он всё-таки недостаточно хорошо знает историю Древней Руси. Он перечитал летописи, в частности Ипатьевскую, где о неудачном походе князя Игоря на половцев рассказывалось не в стихах, а горькой прозой. И опять он упрекнул Игоря за самовольство и необдуманность поступков.

В Историческом музее рисовал он оружие. Особенно понравился ему «червлёный» щит — «он большой, красный, острым концом книзу и довольно тяжёлый». Нарисовал он и обоюдоострый меч, кольчугу, шлем; «на Западе в то время был шлем, похожий на современный, с плоским верхом, а у нас — красивый, островерхий». Оказалось, что наш воин был, кроме того, вооружён ещё луком и стрелами. Прикинув на себя всё это тяжёлое «обмундирование», художник пришёл к выводу, что «русичи были народ рослый, сильный», но кони их всё равно должны быть

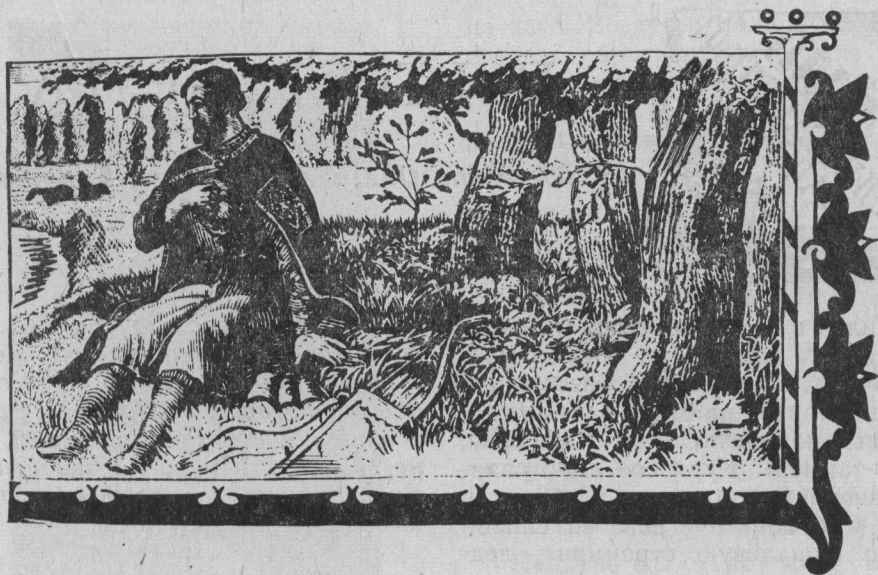
«Половцы собрали все свои силы, окружили русских воинов, оттеснили их от воды, многих перебили. Игоря ранили. Буй тур Всеволод сильно бьётся... наши защищаются кто мечом и щитом, а кто и просто топором».

«лёгкие, степные, очень быстрые».

Поиски внешнего облика для своих героев привели Фаворского к старой живописи — к настенным росписям, иконам... Но чаще всего он находил «лица русичей» среди своих современников и рисовал тех, кто казался ему близким к облику древнерусского человека..

«Слово о полку Игореве» звучит, как песня. «Я должен был передать эту песню, — рассказывал Фаворский, — и в этом помогли мне древ-

«Игорь бежал из плени... И вот сел Игорь немного отдохнуть на берегу Донца. Это уже не незнакомая земля, а родная, идущая от нас река, и она, как родная, разговаривает с Игорем, приветствует его, утешает его, и он ей отвечает... Так в Отечественную войну наши солдаты, наверное, разговаривали с родной Волгой».

ние рукописи». В давние времена, когда книги переписывали, переписчик украшал их заставками, рисованными заглавными буквами, орнаментами. «В XII веке, который был мне нужен, орнамент состоял из сложных переплетений и из зверей, которые дерутся друг с другом... Буквы тоже были со зверями и людьми... В общем, узоры орнамента были суровые и мужественные».

В рисунки Фаворского пришли из древних рукописей соколы и лебеди. Они встали на сторону русичей. А лисы и волки помогают половцам. Но поскольку в «Слове» есть и лирическая линия, то в орнамент вошли также деревья, цветы и травы. «Мелкие картинки на полях и буквы

сопровождают весь рассказ и должны соединить всю книгу в одну песню. И я хотел бы, чтобы было так, как говорится — из песни слова не выкинешь».

И цветом в книге художник распорядился очень интересно. Он ввёл в неё только один цвет — красный. Этот цвет по древней русской традиции символизирует прекрасное, но это и цвет крови, пролитой в бою, и цвет боевых червлёных щитов.

Сочетание белой бумаги, чёрного столбца текста и чёрно-красной гравюры делает книгу благородной и торжественной, заставляет грустить и задуматься, тревожит воображение.

Рис. В. Фаворского

ПОРТРЕТ ДРУГА

К 50-летию Олега Аркадьевича Тарутина

Силач в болотных сапогах, напоминающих петровские ботфорты, в рыбацкой кожаной зюйд-вестке едва удерживает на плечах огромную, неправдоподобную, как Левиафан, рыбу-таймень. Курносое лицо силача сверкает гордостью. Сибирская река Яна ширит у него за спиной сизую дюралевую стремнину, ледниковый валун — как пьедестал под ногой, густые кедровые ветви вокруг — приметы того дальнего якутского края, откуда, как всеильный солнечный свет, долетает ко мне из юности его улыбка.

Это давний снимок моего друга Олега Тарутина. Он — геологоразведчик. Во время «полевых сезонов» с рюкзаком за спиной исходил не только тайгу и тундру, но даже берег материковой Антарктиды, пересекал Южный тропик, дышал раскалённым воздухом иранских пустынь...

Дома, на его полках рядом с книгами любимых стихов, лежат камни, привезённые с разных концов света. Все они: и обычный серый базальт, и зелёно-травяной малахит, и выветренный, причудливо чёрный железняк Антарктиды — драгоценны для него. Он, как врач, знает анатомию богини Земли — Геи, тяжкие её дары заполняли его рюкзак, натирали плечи. Да и дарами их можно назвать условно. Ничего не добивался он упорнее, горячее...

*Я тебя ещё вспомню, тайга,
вспомню рек твоих чистые плёсы,
этих дней драгоценную россыпь,
дней, в которых не встретил врага.
Я ещё поклонюсь вам, ключи,
не забуду струи вашей щедрой.
Буду помнить вас, гордые кедровые,
излюбленные крики в ночи.*

Это — стихи моего друга Олега Тарутина. Он — поэт.

Он был поэтом всегда. Когда в студенческом спортзале играл в волейбол и выжимал штангу, когда искал нефть и когда переваливал через морские волны, мечтая о Родине.

*Океан от вчерашней истерики
И бессильный лежит, и немой.
Справа — Африка, слева — Америки,
Значит — правильно, значит — домой.
Значит, катим в своё полушарие,
Ох, пора, капитан, торопись!
Мимо Конго и мимо Канарии,
Как на глобусе — наискось ввысь.*

Настоящий мужчина добр, благороден, он человек дела и долга. Но если недостаёт ему чувства юмора, он всё-таки не настоящий мужчина. Прочтите ещё раз стихи об океане. Заметили? Обаяние таланта Тарутина — в молодой готовности шутить, фантазировать и даже о тоске говорить иронично.

*Неужели же не дочиста
Обглодал я эту кость,
Что зовётся — одиночество
И питательна, как гвоздь?*

Юмор Олега Тарутина — не развлекательное зубоскальство, а метод душевной жизни. Он боится выскопарности, зная, как часто фальшивят умиление и восторженность. Он «снижает стиль» и выигрывает в качестве, поэтическая мысль звучит резко и неповторимо, стих, строка остаются голосом Тарутина, насмешливым и задумчивым одновременно.

И чего только не знает Тарутин! Но особенно пристрастен он к истории. Ищет в ней ответы на нынешние вопросы, понимая, что «три кита», на которых стоит Земля — Добро, Любовь и Вера, — должны остаться незабываемыми.

Однажды я, войдя в вагон метро, села на свободное место и пожалела, что забыла захватить из дому книгу. Рядом сосед читал, и я, любопытствуя, заглянула: «Сравнительные жизнеописания Плутарха». Ну и ну! Римский историк в метро. Интересно, кто же это на ходу читает такое? С книги перевела взгляд на лицо соседа и громко засмеялась. Рядом сидел Олег. Как это похоже

на него! Везде он может сосредоточиться, собраться; умственная работа совершается в нём всякий миг.

Для него сегодняшний день находится в неразрывной связи с древним, вечным, общим.

*Разгорались над Тибром звёзды,
как когда-то над речкой Вырицей.
А в глазах у девушки — слёзы,
им не высохнуть и не вылиться.*

*...Ах, Лукреция ты Лукреция,
мы с тобой заблудшие дети.
Далека твоя родина — Греция,
а моей ещё нет на свете.*

*...Ты не слушай меня, не слушай,
ты судьба моя в будущем где-то.
Ты, Лукреция, — не в минувшем!
Мы с тобою с одной планеты.*

Недавно мы с Тарутиным выступили перед студентами Новгорода. Педагогический институт находится в корпусах бывшего Антониева монастыря. Мощные своды аудитории гулко отражали голос. Юные, азартные лица студентов — а за окнами древние монастырские стены, звонница, купола храма в строительных лесах реставраторов. Оба мы увидели вдруг бег времени воочию, без всяких аллегорий.

Несмотря на лютый мороз, два этих новгородских дня мы провели в кремле, на Ярославовом дворище, на торгах, на набережных Волхова... Над ледовым панцирем воды навис памятник — скачущий всадник — «Вещий Олег».

— Твой тёзка, — сказала я Олегу.

Он усмехнулся. Но, загорядясь ладонью от нестерпимого блеска солнца и снега, несколько минут смотрел на вещего князя.

Новгород ещё продиктует поэту новые строчки. Наверняка.

Говорят, Олегу Тарутину скоро 50 лет. Быть не может! Такие, как он, умеющие держать руку на гриве времени, — всегда молоды. Взгляните на фото. Убедились?

Ведь лучше один раз увидеть, чем долго читать эти заметки.

Поэтому я и попросила поместить эту его фотографию.

Татьяна Галушко

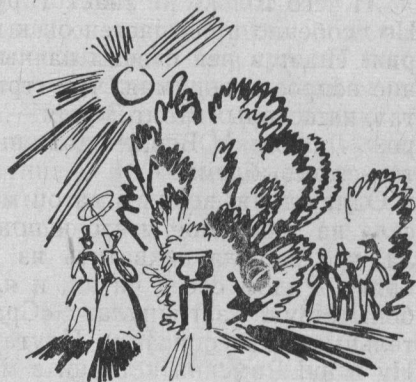
«В Царском Селе, в доме Китаевой...»

НА ОБРАТНОМ ПУТИ

«Ради бога найми мне фатерку...»

Из письма Пушкина Плетнёву

...Под скрип рессор, под стук подков,
под шелест шин колёсных
Пётр Александрович Плетнёв
клюёт в пролётке носом.
А майский вечер так хорош
в закатном оперенье!
И соловьиных трелей дрожь
сквозь заросли сирени,
и свежесть первая листвы,
травы,
пробившей землю...
Вдыхай! Любишь!
Но увя —
седок в пролётке дремлет...
Плетнёв — профессор и поэт,
в науке дружбы — практик,
сегодня был уже чуть свет
на Царкосельском тракте.
И вот теперь спешит назад,
усталостью укачан.
«Ну, Пушкин, верно, будет рад...
Пиши теперь. Работай, брат,
на этой самой даче!
«Фатерка», право, не дурна
по здешним ценам тесным.
Притом, что мне твоя казна
доподлинно известна...
Зато Лицей — рукой подать...
А парк твой — рядом вовсе...
Да будет та же благодать,
как в Болдинскую осень!
Журнал...
Булгарин — вредный гриб...»
А мысли — всё сонливей.
И — цок да цок,
и — скрип да скрип...
И спит Плетнёв счастливый.

«В Царском Селе, в доме Китаевой» — таков был адрес Александра Сергеевича Пушкина с начала лета до глубокой осени 1831 года. Дни, прожитые тогда в Царском Селе, оказались одними из самых счастливых, спокойных и плодотворных в жизни великого поэта. Словно предчувствуя это, Пушкин писал из Москвы своему другу — петербуржцу П. А. Плетнёву, прося его нанять ему в Царском Селе «фатерку». «...Лето и осень таким образом провёл бы я в уединении восхитительном, — писал Пушкин, — в кругу милых воспоминаний...»

Верный Плетнёв тотчас же исполнил поручение друга, и вскоре Пушкин с молодой женой — Натальей Николаевной — оказался в городе своей юности, в своём «Царскосельском отечестве».

Лето и осень 1831 года... Родной Лицей, любимый с детства Екатерининский парк, добрый и умный Василий Андреевич Жуковский, пишущий по соседству свои баллады, молодой Гоголь, спешащий к ним из соседнего Павловска с первыми своими произведениями за одобрением и советом. И — верится в семейное счастье — в лучшие перемены, а главное — так хорошо работается...

„ПУШКИ С ПРИСТАНИ ПАЛЯТ...“

«Пушкин писал свои сказки. Была невыносимая жара, но он это любил...»

Из воспоминаний А. О. Россет

...Снова с самого утра —
африканская жара.
Снова на небе — ни тучки.
Жарко тощим, жарко тучным.
Жарко глупому щенку
под телегой на боку.
Жарко дубу, незабудке,
жарко будочнику в будке.
Снова Царское Село
словно в спячку залегло.
«Кабы нынче ветерка бы,
и дождя бы нынче кабы...»
Ну, а Пушкину жара —
лишь союзница пера.
Утром ванна ледяная
день рабочий начинается.
В кабинет заходит он:
— С добрым утром, князь
Гвидон!

Так на чём остановились?
Подскажи мне, сделай
милость.

«Шлю ему я свой поклон»?
Благодарствую, Гвидон!
Что ж там дальше, интересно?
...На бумаге строчкам тесно,
так стремительно перо —
от поправок всё пестро.
Труд — воистину любимый.
И часы-мгновенья — мимо...
Время — где-то за окном,
в измерении ином...
Вот он ходит, пьёт водицу,
вот опять к столу садится...

А Салтан сейчас как раз
дивный слушает рассказ.
Улыбаясь, Пушкин пишет
о себе самом двестише:
«А у князя жёнка есть,
Что не можно глаз отвести».
Написал,
и в поощренье
ест из баночки варенье:
поощрение — не грех!

А внизу, в гостиной — смех.
Значит, скоро в кабинете
будут Таша и Россети...
Ай вы, гости-господа,
попозднее б вам сюда!
Но ведь дамам не перечат...
Ну, Салтан, до скорой
встречи!
«Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велат...»

В ЕКАТЕРИНИНСКОМ ПАРКЕ

«Многие ходили нарочно смотреть на Пушкина,
как он гулял с женою, обыкновенно около
озера...»

Из воспоминаний А. О. Россет

Часов с четырёх пополудни,
когда и светло, и не жарко,
и в будни всегда многолюдны
аллеи роскошного парка.
Ах, парк этот — глаз изумленье,
преддверье великой столицы,
где смог человеческий гений
с природой так сказочно слиться.
Крылатая мощь Камерона,
воздушная роскошь Растрелли,
и холмы, и воды, и кроны,
и шелест, и небо, и трели!..
Но чопорность светских приличий
восторгов не выразит внешне.
И нынче — весьма непривычно
волнение публики здешней.
Отрывисты громкие фразы,
лорнеты быстры и пытливы.
— Направились к озеру сразу...

— А выглядит очень счастливым...
— В китаевском доме, я слышал...
— Вы правы, полковник, —
мадонна...
— Матап, умоляю вас, тише!
— И платье жемчужного тона...
— Ах нет, бакенбарды не старят!..
— Цензурою скован двойною...
— Да нет, мы не ждём государя,
там — Пушкин гуляет с женою! —
Что Пушкину гомон всегдашний,
лорнетный обстрел и шумиха!
— Ну как тебе, жёнка, не страшно?
— Ах, Пушкин... —

в ответ она тихо.

НА ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ СВИДАНИЕ

«Гоголь жил по соседству в Павловске и приходил в Царское Село пешком...»
Из воспоминаний А. О. Россет

По дороге из Павловска в Царское
пролетела коляска гусарская:
кивер, ментик, усищи торчком!
Пыль взметнулась стремительной тучею,
и такая, простите, чихучая —
хоть с полтавским равняй табачком!
А навстречу — телега скрипучая.
И возница, дремотой измученный,
«Бананпартом» ругает коня:
— Ах, — кричит, — Бананпарта

безбожная!

Так-то тащишь телегу порожнюю?
Вот поспи-ка! Поспи у меня! —
И на смех господинчика пешего
обернулся:

— Какого-де лешего? —

Да и сам рассмеялся до слёз.
А потом уж до самого Павловска
размышлял:

«Ну скажите, пожалуйста, —
до чего, мол, чудак долгонос!..»
...Ах, как радостно пешему Гоголю!

А четыре версты — это много ли,
если Пушкин зайти пригласил?!

Даже если б сугробы январские
завалили дорогу на Царское,
и они б не убавили сил!

Он идёт на свидание с гением,
и качает его вдохновение.

Он запомнит сегодняшний день!

Вот он смотрит торжественно на небо:

он такое напишет когда-нибудь,
как никто, никогда и нигде!..

Он идёт на свидание главное.

В сюртуке его — рукопись славная,
та, что кончена нынче была.

И фантазия шепчет послушная,
что он входит в предместье Пушкина,
а не Царского вовсе Села.

Рис. А. Ивашенцевой

Тристан со львами
на Малой Неве

Василий ОСТРОВСКИЙ

ЛЬВЫ НАД НЕВОЮ

Львиное семейство в нашем городе обширно. Считается, что львы охраняют город. Но почему именно львы? А не тигры? Не леопарды?..

Предполагают, что идёт это ещё от древних греков...

Много веков тому назад, в 480 году до нашей эры, в сражении греков с персами под Фермопилами пали смертью храбрых 300 спартанцев вместе с отважным царём Леонидом. Пали, но врага не пропустили. Благодарные земляки поставили им на поле боя памятник — каменного льва. Он, по их мнению, олицетворял собой силу, смелость, могущество. Оттуда и пошел обычай создавать скульптуры львов.

Богатые российские вельможи тоже считали необходимым подчеркнуть своё могущество и ставили красавцев-львов возле подъездов собственных дворцов и особняков. К тому же, что ни говори — лев благороден! Гордая голова с густой гривой, сильные лапы, мускулистое стройное тело!.. Хоть положи льва, хоть поставь — всё равно сохраняет он гордую осанку.

Правились львы и петербургским архитекторам. И вот уже более ста пятидесяти лет стоят они каждый на своем посту. Мраморные львы словно понимают: покинуть пьедесталы нельзя! Они ведь — сторожевые! Пушкин так и написал о них:

...С подъятой лапой, как живые,

Стоят два льва сторожевые.

Много львов в Ленинграде, и все они разные.

На набережной Красного Флота, у дверей бывшего особняка французского графа Лавалья дремлют «львы-философы» — они даже легли и лапы сложили. А может быть, и не дремлют они, а просто задумались, может, вспоминают, как в былые годы мимо них проходили в двери особняка Пушкин, Грибоедов, Крылов, Лермонтов, Мицкевич... Или как стояла рядом с ними коляска и садилась в неё молодая княгиня Екатерина Трубецкая. Долгий путь предстоял ей! В Сибирь. К сосланному на каторгу мужу-декабристу. И вскоре следом, от того же подъезда со «львами-философами» отъехала и вторая коляска: к мужу-декабристу уехала княгиня Мария Волконская. Мы относимся к тем «львам-философам» с почтением ещё и потому, что они — старейшины! Возможно, появились на берегах Невы первыми. Где-то на границе двух веков — восемнадцатого и девятнадцатого.

А сторожевые львы — помоложе. На «пне», что стоит под брюхом одного из них, высечена надпись: «Трискорни Каррара 1810».

Дворцовая пристань
на Адмиралтейской
набережной

Это уже — документ. Всё в нём указано: автор, место и год рождения. На пост же они заступили в 1820 году, когда архитектор Огюст Монферран закончил строительство огромного дома для князя Лобанова-Ростовского. Помещалось потом в этом доме военное министерство... А после Великой Октябрьской революции зазвонили его коридоры голосами: в особняке поместилась школа № 239.

Нет, никогда сторожевые львы не покидали своего поста! Даже в страшное наводнение 1824 года. Тогда вокруг них плескались волны разбушевавшейся Невы, и тогда львы спасли некоего чиновника Яковлева, позволив ему сесть верхом на их спину. Именно об этом дне их биографии и написал Александр Пушкин в поэме «Медный всадник».

А осенью 1941 года они слышали грохот орудий, взрывы бомб. К стенам города пришла война. 26 ноября 1941 года одна тревога сменялась другой. Вперемежку с бомбами сыпались снаряды: арт-обстрелы тоже следовали друг за другом. Один снаряд разорвался рядом, пробил осколком дверь школы. Другой осколок угодил в мрамор скульптуры...

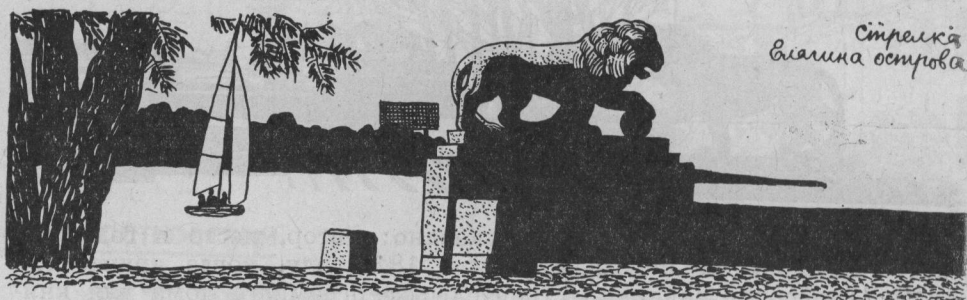
После обстрела подошла к львам школьная нянечка тётя Са-ша — А. С. Глухова, увидела, что стало с ними, заплакала:

— Такую красоту губят! — приговаривала она, ползая на коленях и собирая мраморные осколки.

Всё до крошечки подобрала тогда тётя Саша. Хранила мраморные осколки все дни блокады, а когда пришла Победа, сама взялась за «починку» раненого льва — у него были отбиты нижняя челюсть и хвост. Тётя Саша, конечно, не была скульптором, не знала, каким клеем склеивать мрамор, и потому отбитые части никак не соединялись, падали. На помощь тётю Саше пришли скульпторы-реставраторы. И если вы сегодня внимательно присмотритесь к одному из мраморных львов, то увидите на нём небольшие рубцы — это следы боевого ранения.

Несколько иная судьба у львов, стоящих на Дворцовой пристани. Вычеканенные из толстой листовой меди рабочими Александровского чугунолитейного (ныне Пролетарского) завода, они заступили на пост, на свои квадратные гранитные пьедесталы, в сентябре 1832 года. Тогда вблизи их подножий качался наплавной плашкоутный мост — и львы охраняли его и пристань. Но шли годы. В 1916 году наплавной мост был заменён постоянным каменно-железным Дворцовым мостом — и львы переехали на несколько десятков метров ниже по течению Невы к восточному крылу Адмиралтейства. Здесь они простояли все грозные дни блокады. На них тоже сыпались осколки бомб и снарядов. В начале 1950-х годов сначала одного, а потом другого льва «перевели» на прежнее место.

В 1794—1796 годах Андрей Никифорович Воронихин построил в Новой Деревне для графа А. С. Строганова дачу. И сразу «на её

охрану» встали львы, высеченные из пористого камня. Позднее дача многократно перестраивалась, потом и совсем исчезла, а львы сохранились. Переменив несколько «прописок», «поселились» они в 1927 году на стрелке Елагина острова и встали здесь на высокие постаменты над самой водой.

Есть и другие львы на Елагином острове. По заказу Александра I тогда ещё молодой архитектор Карл Иванович Росси построил на острове дворец для матери царя и один из его фасадов тоже украсил скульптурами львов. Эти львы имеют одну особенность: они — первые в нашем городе, отлитые из чугуна. На подножиях каждой скульптуры можно прочесть: «Изделие С.-П. Казённого литейного завода 1822 г.».

Зодчему К. И. Росси львы нравились. Он украсил ими и свою следующую постройку — Михайловский дворец. Архитектор поставил львов по краям верхней площадки широкой каменной лестницы, ведущей к главному входу дворца. Новая чугунная пара львов была отлита на том же заводе и младше «елагинских» всего на два года.

Эти две пары «львов-близнецов» имеют и ещё двух чугунных братьев. Они были отлиты для имения графа А. А. Аракчеева в селе Грузино, а сейчас стоят перед зданием Историко-архитектурного музея-заповедника в Новгороде.

Сторожевые львы чаще всего «заступали на посты» возле дворцов, особняков, усадеб... Но словно в благодарность тем умелым рукам, которые создавали их из металла, одна пара львов встала и у заводских стен. Много их родилось на Александровском чугунолитейном заводе, и два льва остались здесь — и сегодня по-прежнему стоят они у дома № 125 по проспекту Обуховской Обороны.

Львы, как известно, обитают в знойных пустынях. А вот ленинградским львам, видимо, очень по душе пришлась водная стихия. Их так и тянет к заливу, к Неве, к берегам многочисленных наших рек.

Два льва из розового гранита «облюбовали» себе местечко над Малой Невой. Когда-то внизу под ними тоже находилась пристань. Почти полтора века назад, пока в 1875—1885 годах не был прорыт Морской канал, здесь, на Стрелке Васильевского острова, помещался главный порт нашего города. Выросли по соседству с причалами склады-пакгаузы, а архитектор И. Ф. Лукини возвёл здание портовой таможни. Сейчас в этом здании находится Институт русской литературы, или, как его ещё называют, «Пушкинский Дом».

Гранитные львы лежат как раз возле этого здания.

А выше по течению Невы на правом её берегу разместилось целое львиное семейство — двадцать девять чугунных «львов-близне-

цов»! Два века тому назад архитектор Джакомо Кваренги построил здесь для графа А. А. Кушелева-Безбородко загородную дачу. Львы, поставленные перед её оградой, охранной службы не несли. Присев на тумбы из пудостского камня, с тяжёлой цепью в зубах, они просто служили украшением графской дачи и спокойно смотрели на скользящие по Неве волны.

Есть в Ленинграде «львы-сторожа», «львы-философы», но есть и «львы-работники». Их восемь. Они стоят над каналом Грибоедова и держат пешеходные мосты — Львиный и Банковский. И Львиный, и Банковский мосты приняли на себя первых пешеходов в июле 1826 года. По длине и ширине они похожи, а вот львы у них разные.

У Львиного моста на широких гранитных постаментах сидят огромные (высотой более двух метров) металлические звери. Их передние лапы напряжённо упираются в постамент. А из оскаленных пастей свисают стальные канаты, на которых и держится мост. Чугунными этих львов не назовёшь, точнее будет сказать, что они — полужелезные. Они сидят на чугунных плитах, внутри хранят чугунные каркасы для поддержки цепей, а сами — полые. Присмотревшись, можно даже увидеть на их спине, груди и передних лапах — шов. Но это их не портит.

Львы Банковского моста — другие. Крылатые. Удивительные звери-птицы. Есть у них и другое имя — грифоны. В сказаниях и легендах многих народов Востока грифоны несут ответственную службу: охраняют клады. Очевидно, и здесь они не случайно сменили обычных львов: ведь рядом помещался Ассигнационный банк с золотыми кладовыми! Не случайно и крылья у грифонов позолоченные.

А ещё есть над Невой львы, не похожие ни на своих собратьев, ни на грифонов. Называются они ши-цза. И находятся возле самого первого строения нашего города — Домика Петра I у Невы. Надпись, высеченная на гранитном пьедестале, рассказывает, откуда они и как здесь появились. Она гласит: «Ши-цза из города Гирина в Маньчжурии перевезена в Санкт-Петербург в 1907 году». И ниже: «Дар генерала-от-инфантерии Н. И. Гродекова». Если слово «ши-цза» перевести с китайского языка на русский, то получится — «лев». Правда, внешне они мало похожи на львов африканских и напоминают скорее некие мифические существа.

Всех львов в нашем городе и не пересчитать. Да где их только нет! Один даже на крышу Исаакиевского собора забрался.

Приглядитесь к скульптурам, которые стоят над фронтонами портиков. На западном фронтоне — статуя евангелиста Марка, а возле ног его — лев! Он с разинутой пастью, пышной гривой. Наверное, очень горд, что забрался выше всех своих братьев — ведь высота — более тридцати метров!

Рис. О. Вороновой

ВАЛЕРИЙ
ВОСКОБОЙНИКОВ

ПОЭМА

ДЖАЛИЛЬ

новость-баллада

Летом 1942 года армию, в которой сражался Муса Джалиль, окружили со всех сторон отборные фашистские части. С тяжёлыми боями пробивались бойцы из окружения. Джалиль разделил с друзьями перед очередной атакой последний сухарь... Солдаты и командиры — все были одинаково голодны, одинаково обесилены.

26 июня было решено идти на последний прорыв. Знали, что многие навсегда останутся здесь, в глухих топких болотах. И на всякий случай простились друг с другом.

Те, которым посчастливилось вырваться из вражеского кольца, рассказывают, что старший политрук Муса Джалиль вёл себя героически. Но сам он, тяжело раненный, оглушённый взрывной волной, остался лежать в болоте.

А когда очнулся — увидел вокруг себя фашистских солдат. Схватился за пистолет, но пистолет подвёл его — весь в болотной жиже, пистолет не выстрелил.

В детстве, узнав буквы, Джалиль выучил наизусть много стихов. Он хотел стать поэтом. Как Тукай или Пушкин. Зато суры корана учил неохотно. С ранних лет он перестал верить в бога и

не страдал от суеверных страхов.

Но в тот вечер, когда последний раз прощался с женою и дочкой, его поразило предчувствие недоброго.

И он так написал с дороги любимой своей жене:

«Я до этого два раза расставался с тобой, уезжая на фронт, но последнее расставание было во сто крат тяжелее, чем первые два расставания. Почему это так, объяснить не могу...

Я с испугом начал сомневаться: не есть ли это предчувствие того, что я не увижу ни тебя, ни Чулпан».

Он любил свою дочку больше жизни и назвал её по имени утренней звезды. Чулпан — по-татарски значит Венера.

Паровоз подолгу гудел перед семафорами. Вагон раскачивало, встряхивало. Иногда поезд разогнался, потом вновь едва полз. А по сторонам были видны заснеженные леса, белые равнины, которые кое-где перечёркивались узкими дорогами. На взгорках стояли деревушки — из труб поднимался дым, у домов играли дети, и не верилось, что там, куда везёт поезд, идут страшные бои.

Но станции, разъезды были полны эшелонов с молодыми солдатами, на платформах, крытых брезентом, стояли орудия, танки. Военские поезда пропускали вне

Продолжение. Начало в «Искорке» № 5.

очереди, но они всё-таки накапливались. Вся страна, все многочисленные народы, объединившиеся в советскую семью, отправили на войну своих сыновей.

Молодые красноармейцы во время остановок весело отплясывали возле вагонов. А навстречу шли поезда с такими же молодыми парнями. Только были они ранены, и на их лицах была серьёзность людей, познавших тяжёлую работу солдата, прикоснувшихся к тайне жизни и смерти.

Смерти Джалиль не боялся. Друзья никогда не слышали от него жалоб. Жене он всегда посылал бодрые, деловые письма. И если в том дорожном письме не сдержался, рассказал о своём недобром предчувствии, значит, на сердце и в самом деле была невыносимая тяжесть.

Но и с этой тяжестью он скоро справился. В том же письме он написал:

«Я не боюсь смерти. Это не пустая фраза. Когда мы говорим, что смерть презираем, это на самом деле так... Если я погибну в Отечественной войне, проявляя отвагу, то эта кончина совсем не плохая».

Он был готов к героической смерти в бою и тем страшней, тем позорней ощущал вражеский плен.

О том, как сильно любил он дочь, маленькую звезду Венеру, рассказывают удивительные истории.

Несколько лет Джалиль и его жена Амина-ханум жили в центре Москвы, в коммунальной квартире в Столешниковом переулке. В те годы Муса Джалиль создавал детские журналы на татарском языке. Вечером к ним любили приходиться друзья — поэты, артисты, художники. Джалиль брал мандолину, и гости пели народные песни, песни самого Джалиля.

Потом родилась Чулпан, и

несколько месяцев гости заходили реже.

Когда дочке не было и года, Джалиль взял её с собой на зимнюю дачу, укутал, положил в санки, вывез на улицу. Сам он с книгой сел рядом, читал. Потом начал мёрзнуть. Дочка спала. Он не решался её будить, сидел, не двигаясь с места, чувствуя, как холодеют ноги, спина. Дочь продолжала спать. Наконец, когда выпалась, он прошёл с нею в дом на негнущихся ногах.

А ночью ноги отнялись — он застудил нервы.

На другой день из города примчалась перепуганная жена. Джалиль не смог встать, шагнуть ей навстречу, он лишь улыбался печально.

Четыре месяца не выходил он из дома и смог выбраться лишь в начале лета, неуверенно ступая, опираясь на палку.

А был он при невысоком росте силач, о чём догадывались немногие, — во время зарядки легко махал двухпудовыми гирями, зимой любил обтираться снегом, в марте катался на лыжах, раздетый до пояса.

С месяц он ходил ещё неуверенно, но специальными упражнениями вернул себе силы.

Был и другой случай — уже незадолго перед войной.

Он уехал в командировку, а дочка его заболела. Лежала в жару, и лекарства не помогали.

Он вернулся и сразу, с порога бросился к ней, взял её на руки, прижал крепко и так продержал на руках до ночи. Странное дело — болезнь, которую не могли победить лекарства, за эти часы прошла. Утром его дочь была и вовсе здоровой.

Врачи удивлялись, а Джаилиль спокойно им объяснил, что для больного радость, любовь — не меньше важны, чем лекарства.

...А в час отъезда на фронт он колебался: дочка спала, и он не знал, как с нею быть, будить — заплачет, расстроится, не будить — проснётся утром и спросит, где папа. И на всю жизнь останется обидное чувство — отец уехал на фронт, не попрощавшись.

Он решил будить. Тихо спросил:

— Ты отпускаешь меня на войну?

И она так же тихо кивнула:

— Да.

Ей было четыре года. Но он теперь знал, что когда она вырастет, будет помнить, что сама отпустила отца на бой, чтобы он защитил её и других детей. А если он не вернётся — это чувство поможет ей в жизни.

В первые страшные ночи фашистского плена, когда ему удавалось забыться на минуту, на две, на него наваливалось чувство непоправимой беды, словно некому было теперь защитить дочь и жену.

О себе же он думал, как о постороннем.

Будто не его, а другого гонят к лагерю, как жалкого раба, потираливая ударом приклада, безоружного, измученного несчастьем и унижением. Словно это не с ним, а с другим. Другой стоит за баландой из картофельной шелухи вперемешку с грязью. А он продолжает сражаться, стреляет из автомата, бросает гранату во врагов, поднимает бойцов на бой.

И ещё долго это ощущение будет в нём жить, что не с ним происходят несчастья — с другим, чужим, незнакомым ему человеком.

Он назвался Мусою Умеровым. Но его узнали.

Узнавали свои — подходили, предлагали помощь. Узнавали враги — спешили доложить офицеру, заработать от фашиста улыбку.

Только офицеру пока было всё равно, кто перед ним. Все они были для него на одно лицо — военнопленные.

Он был поэтом. И не мог жить без стихов, как все мы не можем без воздуха. Стихи складывались сами.

*Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.*

*Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.*

*Кто посмеет сказать, что я тебя
предал?*

*Кто хоть в чём-нибудь бросит
упрёк?*

Волхов — свидетель:

*я не струсил,
Пылилку жизни своей не берёг.*

Раны плохо заживали, сильно болели ночью. Перебитую руку

носил на перевязи, и всё же, спустя несколько дней после появления в лагере, оглядевшись, он задумал побег.

— Один ты не убежишь — мест здешних не знаешь, — сказал ему старый ленинградский рабочий, солдат, воевавший ещё в первую мировую. — Бесполезно сейчас бежать, ночи светлые. Если до августа доживём, попробуем вместе. Я тут когда-то немало насобирав грибов, проведу по тропинкам.

*Смерть посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной,
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил*

мой пистолет...

Такие складывались стихи по ночам на дощатых нарах, когда кругом до утра слышались стоны, рыдания, когда сосед твой ложился живым, а утром был уже мёртвым.

Сначала они жили в бывших конюшнях села Рождествено. Конюшни наскоро огородили колючей проволокой, поставили вышки с пулемётами. Четыре угла — четыре вышки.

Главное — проскочить за колючую проволоку. Или он не бегал под пулемётным огнём эти месяцы?! Проскочить бесшумно, уйти незаметно метров за триста-

четыреста. Дальше — картофельное поле... А за полем — лес.

— Ночи стали темнее. Не пора ли? — настойчиво спрашивал Джалиль пожилого солдата. — Я заточил о камень ложку, теперь у нас есть первое оружие.

— Потерпи неделю, до августа. А там и пойдём, — шептал тот в ответ. — Правда, силы мои уходят.

*Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовью*

к Отчизне

Выйдут из плена вместе со мной.

«Скорей бы август! Скорей!» — торопил он время. И проклинал прежде любимые ленинградские белые ночи. Ночи, которые воспе-ли столько поэтов, были главной помехой побегу.

Рабочий сказал, что от Рождествено до Ленинграда всего лишь километров семьдесят...

Но утром он не встал.

— Прости уж, придётся тебе одному... А я помру сегодня.

К вечеру его увезли на телеге вместе с другими умершими. Джалиль даже не знал его имени.

— На воле познакомимся, — сказал он, когда они разговорились впервые.

«Бегу завтра ночью! — решил поэт. — Если убьют, то хоть умру свободным, не здесь».

Но судьба вновь решила поиздеваться. Утром их неожиданно построили и погнали под конвоем.

Он прошёл через несколько лагерей и в каждом лагере старался найти верных людей, коммунистов, чтобы соединить их. И в каждом лагере ещё долго после его ухода звучали стихи, которые он написал в неволе.

По первому плану фашистов комиссары, евреи и азиаты подлежали уничтожению. Следовательно, его должны были уничтожить дважды: как политрука и как азиата. К славянским народам фашистский план отнёсся милостивей. Поначалу им разрешалось существовать.

Альфред Розенберг, прибалтийский барон, сбежавший из России от революции, стал у нацистов главным специалистом по «русскому вопросу». Он создал новый план.

В фашистской армии не хватало солдат. Их уничтожали на фронте советские войска, били партизаны. Барон Розенберг предложил создать легионы из военнопленных. Зачем, например, на белорусских партизан тратить немецких солдат, когда можно послать татар или башкир. Стоит лучше их накормить, считал он, и они сразу поймут, кто у них настоящий хозяин и кому надо верно служить.

Джалиль с группой коммунистов, бывших советских солдат и офицеров, решил этот план разрушить.

Но хорошо бороться, когда ты силен и когда в руках держишь оружие. И какая, казалось бы, может быть борьба, если твоя жизнь полностью во власти врага?! Однако у каждого из них была память о Родине и о родном доме, ненависть к фашизму и уверенность, что родная страна победит. Над всем этим враг был не властен.

Сначала Джалиль и люди из его группы решили просто убедить пленных солдат не вступать в легион. Но начальство лагеря легко раскусило их план. Джалильцев попросту отделили от массы военнопленных.

Их, джалильцев, враги уговаривали особо, знали, за ними пойдёт весь лагерь. Им обещали германский паспорт, свободу передвижения, сытную должность. Им обещали посты в будущем государстве, которое хотел создать барон Розенберг.

Вдоль Урала и Волги до Каспия из покорённых народов фашисты собирались устроить новую страну: Идель-Урал.

Идель — так когда-то в древние времена татары называли Волгу. Идель-Урал, фашистское государство, должно было подчиняться Берлину и преследовать большевизм. И нацисты ускоренно стали формировать легионы — армию несуществующей страны.

У джалильцев не было другого пути. Лишь один: чтобы сорвать фашистские замыслы, нужно было сделать вид, что согласны им подчиниться.

Так джалильцы стали сотрудниками газеты «Идель-Урал» в Берлине, пошли работать на их радиостанцию, а сам Джалиль получил право ездить по всем лагерям, чтобы руководить их культурным обслуживанием.

Спустя несколько месяцев первый татарский легион — из тысячи бывших советских солдат с немецкими командирами во главе — отбыл в сторону фронта.

В белорусскую деревню для борьбы с партизанами вошли «странные немцы». Они были с пушками, пулемётами, в фашистской военной форме, но не грабили деревенских жителей, даже говорили вежливо, а многие хорошо понимали по-русски.

Партизанские отряды были обложены с трёх сторон, четвёр-

тую замкнули эти «странные немцы». Но фашисты уверяли, что партизанам теперь не выйти.

«Странные немцы» выпрашивали о партизанах, хотели связаться с ними, и наконец командир партизанского отряда дал согласие встретиться с четырьмя из них.

И тут оказалось, что «странные немцы» — это советские люди из татарского легиона, которые мечтают лишь об одном: скорее сбросить фашистскую форму и снова стать советскими солдатами.

У партизан кончались боеприпасы, было плохо с едой, а тут — подводы снарядов, подводы с едой, пулемёты, пушки... А главное — сотни новых бойцов.

Ночью «странные немцы» перебили фашистских офицеров и с автоматами, пулемётами, пушками, осторожно спуская подводы на речной лёд, перешли на другой берег реки — к партизанам.

А на следующий день партизаны начали наступление.

Командир партизанского отряда вскоре узнал и о подпольной работе, которая ведётся в легионе, сформированном фашистами. Легион готов был повернуть оружие против фашистов ещё в лагере, там, где формировался, на территории Польши. Узнал командир и о подпольной сети, которая работает в нескольких лагерях. И о том, что руководит всеми подпольщиками известный татарский поэт.

Рис. Л. Уральской

Окончание следует.

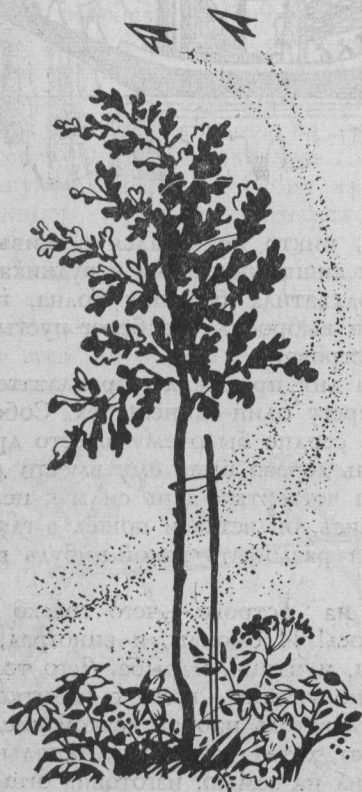

«МЫ РОДИЛИСЬ ПОД ЩЕБЕТ РАННИХ ПТИЦ...»

Никто не вправе обвинить нас в том,
Что мы не шли в цепи под пулемёты,
Что над могильным горестным холмом
Не стали нам обломки самолёта.
Мы родились под щебет ранних птиц,
Нам пули колыбельную не пели.
Сошли герои с памятных страниц
И юностью над Родиной взлетели.
Но шли они — не три богатыря,
А русые безусые ребята,
Ненужных лишних слов не говоря,
Шли парни в бой из райвоенкомата.
Кто упрекнёт нас в том, что мы живём,
Стремимся ввысь, о подвигах мечтаем,
Стоим в молчанье перед их огнём
И с их холмов ромашек не срываем.

Надя Князева,
10-й класс

Рис. Л. Московского

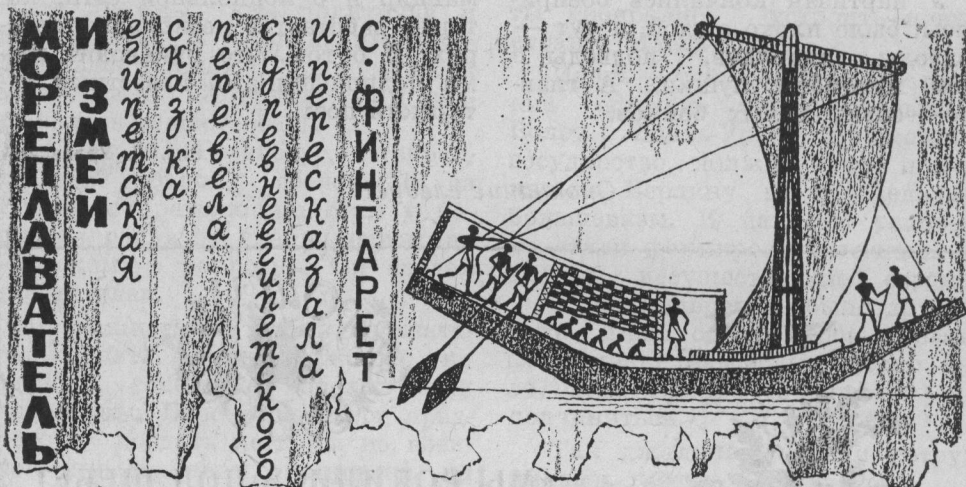
Тысячи тысяч сказок живут на нашей Земле.

А сколько же лет самой древней из них!

Примерно, четыре тысячи.

Родилась эта сказка в Древнем Египте среди народа-труженика, строителя, землешца. Бродила у подножий каменных пирамид, посещала дворцы фараонов, усадьбы вельмож. Подолгу гостила в лачугах медников, ткачей, гончаров, скрашивала будни рабочего люда мечтой о лучшей доле и справедливости. Как положено сказке — у неё счастливый конец. Герой попал в кораблекрушение, но на помощь явились волшебные силы и все мытарства закончились благополучно. Владыка острова — Змей — наполнил корабельные трюмы несметным богатством, а сам остров своим изобилием обещает безбедную жизнь, подобно тем странам, где текут молочные реки с кисельными берегами.

Но как бы ни разворачивалась цепь невероятных событий, строительным материалом для сказок всегда служит обыденное и реальное. Корабли египтян совершали каботажные плавания по Красному морю, берега тропической Африки манили благовонными смолами, ценными породами деревьев, экзотическими животными — и рассказы бывалых моряков об опасностях, подстерегающих на пути к неведомым землям, легли в основу повествования.

Одного человека послали проверить фараоновы рудники. Он вышел к морю и сел на большой корабль, длиной в сто двадцать локтей¹. Из ста двадцати моряков состояла команда. Все люди бывалые, как на подбор. Глядят ли на землю, глядят ли на небо — сердца их пылают отвагой, словно у львов. Предсказать и грозу и бурю было им нипочём.

Буря грянула, когда плыл корабль в открытом море, вдали ото всех берегов.

Налетел вихрь. Взыбились волны высотой в восемь локтей. Корабль плывёт. А ветер всё крепче — сорвал он парус. Рухнула мачта. Корабль разбился и затонул.

Вся команда погибла в бушующих

волнах, никто не остался в живых. Спасся лишь посланный к рудникам. Его подхватила большая волна, понесла и выбросила на берег пустынного острова.

Три дня пролежал мореплаватель на берегу один-одинёшенек. Собственное сердце было ему вместо друга. Тень дерева была ему вместо дома. На четвёртый день силы к нему вернулись, он встал и пошёл в глубь острова раздобыть какой-нибудь пищи.

А на острове — чего только не оказалось! И смоквы, и виноград, и огурцы, и птица, и рыба. Чего только душе угодно — всего с избытком. Мореплаватель набрал всякой снэди. Сколько хотел — он съел, остальное положил на землю, изготовил огниво и стал разжигать костёр.

¹ Древняя мера длины «локоть» равнялась в Египте 56 см.

Сквозь толщу веков сказка пришла в наши дни всего в одном экземпляре. С берегов Нила попала на берег Невы, и честь предоставить уникальному папирусу надёжное убежище выпала на долю сокровищницы мирового искусства — Государственному Эрмитажу.

На выставке «Культура и искусство Древнего Египта» можно увидеть бережно убранные под стекло пласты хрупкого писчего материала, изготовленного из стеблей водного растения. Длинный некогда свиток для лучшей сохранности расчленён на «страницы». По спрессованной волокнистой поверхности ровными строчками и столбцами разбегаются знаки египетской скорописи — иероглифы, упрощённые для удобства письма. Почерк писца — уверенный, чёткий. Знаки легко различимы. Основной текст написан чернилами чёрного цвета, начальные слова каждой новой темы выделены чернилами красными. Двухцветные рисованные письма напоминают нарядный орнамент.

Первый перевод и издание сказки предпринял русский учёный-египтолог В. С. Голенищев, обнаруживший в 1881 году в фондах музея неизвестный ранее папирус. После этого сказку не раз переводили на русский и европейские языки. Переводы делались и текстуальными, то есть дословными, и с элементами пересказа, облегчающими современному читателю восприятие непонятных мест.

Этот перевод-пересказ самой древней на свете сказки сделан мною для вас — читателей-школьников. Прочитайте, постарайтесь услышать сквозь строки мерную речь египетского сказителя.

С. Фингарет

Вдруг — словно гром раскатился по небу. Загудело. Загромыхало. Закачалась земля, задрожали деревья. «Ринулось море на остров», — решил мореплаватель и закрыл руками лицо.

Когда он отважился посмотреть, то увидел такое, что от страха упал на землю.

По острову шёл бородатый огромный Змей. Был Змей из чистого золота и двигался, как человек, на ногах. Его борода превышала два локтя, а тело растянулось на тридцать локтей. Он шёл, извиваясь. Золотые чешуйки сверкали, брови из драгоценного лазурита светились синим огнём.

Никому не случалось видеть подобное!

Мореплаватель прижался к земле, ни жив, ни мёртв. А Змей приблизился, заговорил:

— Кто принёс тебя сюда, кто принёс, человечек? Кто принёс тебя? Ты молчишь? Если и дальше будешь молчать, не скажешь, как попал ты на остров, я уничтожу тебя, сожгу, превращу в горстку пепла.

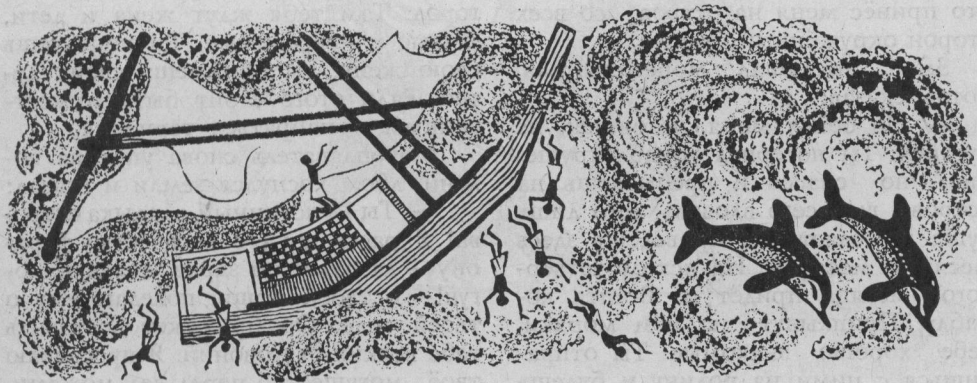
У мореплавателя с испугу язык отнялся, ни слова не может вымолвить.

Тогда Змей взял его в пасть, принёс к своему жилищу и невредимого поставил на землю. Потом снова стал спрашивать:

— Кто принёс тебя сюда, кто принёс тебя, человечек? Кто доставил тебя на остров, со всех сторон окружённый водами?

Мореплаватель упал на колени, протянул к Змею руки. Но видя, что Змей сильно гневается, собрался с духом и заговорил:

— Послал меня его величество

фараон на корабле с командой из ста двадцати человек. Все люди бывалые, как на подбор. Глядят ли на землю, глядят ли на небо — сердца их пылают отвагой, словно у львов. Предсказать и грозу и бурю было им нипочём. Буря грянула, когда плыл корабль в открытом море, вдали от всех берегов. Налетел вихрь. Вздрыбились волны высотой в восемь локтей. Корабль плывёт. А ветер всё крепче — сорвал он парус. Рухнула мачта. Корабль разбился и затонул. Вся команда погибла в бушующих волнах, спасся лишь я. Большая волна подхватила меня, понесла и выбросила на берег. Вот кто принёс меня на остров, со всех сторон окружённый водами.

Змей выслушал мореплавателя, потом сказал:

— Не бойся меня, человек, не пугайся. Ты потерпел кораблекрушение, но спасся и пребываешь на острове, где всего вдоволь, чего лишь душа пожелает. Ты проведёшь здесь месяц за месяцем. На исходе четвёртого месяца придёт из Египта корабль. Приплывут на нём моряки, тебе хорошо знакомые. Ты отправишься с ними на родину и будешь

там жить-поживать до самой смерти. О своих теперешних бедах не вспомнишь. У меня же случилась беда, которую не забыть вовеки.

Жил я здесь не один, а вместе с детьми и братьями. Всего нас было семьдесят пять змеев и ещё одна маленькая змейка, моя младшая дочь. Её я любил больше других. И вот, когда находился я в отдалении и не было меня рядом с ними, с неба сорвалась звезда. Она упала на остров и превратила остров в огромный костёр. Я один остался в живых и чуть не умер от горя, увидев груду сожжённых тел. Что твоё горе рядом с моей бедой?! Ты вернёшься в свой город. Там тебя ждут жена и дети, живые и невредимые. Ты поцелуешь свою жену, ты обнимешь своих детей. Ради этого стоит быть мужественным и набраться терпения.

Мореплаватель снова упал на колени, лбом коснулся земли и сказал:

— Ты — истинный владыка острова! Я расскажу его величеству фараону — да будет он здрав, силен и могуч! — о твоей мощи, поведаю ему о твоей силе. Он прикажет доставить тебе всяких благовоний. Я прославлю твоё могущество перед вельможами.

Они велют заколоть для тебя быков и забить для тебя птиц. Поплывут к тебе корабли, гружённые всем, чем богат Египет, потому что ты добр к людям. Вот оказал ты милость потерпевшему кораблекрушение вдалеке от родных берегов.

Усмехнулся на это Змей, словно услышал глупость.

— Много ли у тебя благовоний, что ты их мне обещаешь? Я же — владыка острова, где благовоний больше, чем в целом мире. Выходит, ты хочешь одарить меня тем, чем я владею с избытком? Да и острова ты не увидишь больше. Как только скроется твой корабль, остров уйдёт под воду. Если хочешь мне угодить, сделай другое: Расскажи обо мне всем людям твоей страны. Больше мне от тебя ничего не нужно.

Так всё и вышло, как предсказал Змей.

Однажды вдали показался корабль. Мореплаватель бросился к дереву, росшему на берегу. Он взобрался на самый верх и оттуда увидел палубу, а на ней разглядел знакомых ему моряков. Тогда он помчался к Змею, чтобы рассказать об этом. Но Змей уже знал. Он сказал мореплавателю:

— Отправляйся в путь, человек. Двух месяцев не пройдёт, приплывёшь ты в Египет и обнимешь жену и детей. С ними ты будешь жить-поживать в почёте при царском дворе.

На прощание Змей приказал загрузить корабельные трюмы разными благовониями, а на палубу привести обезьян и охотничьих собак. К этим дарам он прибавил много других.

Мореплаватель низко кланялся владыке острова и благодарил. С ним вместе кланялись все моряки.

После этого корабль покинул остров и поплыл на север. Плавание продолжалось два месяца, как и предсказывал Змей. Прибыв в Египет, корабль причалил в том городе, где жил фараон. Мореплаватель поспешил во дворец, чтобы выполнить обещание, данное Змею. Он рассказал фараону о владыке чудесного острова и передал все дары. Его величество — да будет он здоров, силен и могуч! — немало дивился приключениям своего посланца. Потом похвалил его перед всеми вельможами, наградил и сделал своим приближённым.

Много бед претерпел мореплаватель, зато к земле он причалил счастливо.

* * *

Рассказано в соответствии с тем, что было найдено в свитке писца с искусными пальцами — Аменаа, сына Амени, — да будет он здоров, силен и могуч!

Рис. К. Овчинникова

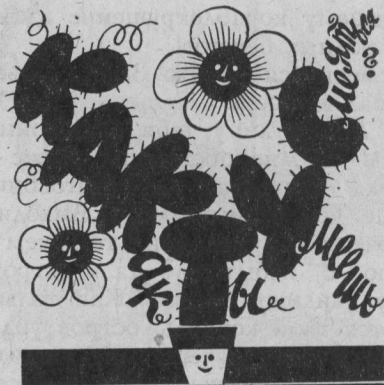
Здравствуй, лето!

Летом колючек, конечно, и без кактусов хватает. Особенно если босиком идёшь: в лесу можно на ёжика наступить, в речке — об ерша споткнуться, в саду — в куст шиповника угодить...

И всё же лето — прекрасная пора! Особенно — футбол! Правда, нам, кактусам, такие игры противопоказаны — никаких мячиков не напасёшься. Но и без футбола летом забот хватает. Царапнуть лежебоку, чтобы он свои бока не отлежал. Зацепить задиру, чтобы не приставал к слабым. Как следует ткнуть разорителей птичьих гнёзд. И просто уколоть тех, кто вдруг решит, что летом можно не слушаться родителей.

Поэтому я спешу в пионерские лагеря, на дачи, в горы, на море, в туристические поездки и походы.

А пока проверим, Как Ты Умеешь Смеяться летом!

КАКТУС

К Ростиславу Николаеву, или, проще говоря, к Ростiku прибежала Юлька Тихомирова.

— Вот! — Она достала из кармана трёх мокрых головастика. — Ещё не умерли!

— Молодцы! — похвалил живучих земноводных Ростик.

— У тебя аквариум, — объяснила Юлька. — А там лужа пересыхает. —

Она подошла к аквариуму и бросила туда головастика.

— А ну вынь! — потребовал Ростик.

— Ещё чего?! — возмутилась Юлька.

— А вдруг эти головастики рыбок съедят? — настаивал Ростик.

— Ты что? — успокоила его Юлька. — Посмотри, какие у них умные головы!

Головастики и в самом деле вели себя смирно. Прижавшись к стеклу, они чуть заметно двигали мягкими хвостиками и не собирались никого есть.

Красные меченосцы напали на них первыми. Они разгонялись через весь аквариум, словно акулы, и, не на шутку напугав будущих лягушат, разворачивались для следующего набега. А гуппи старались вытолкнуть пришельцев за стекло.

— Придётся их куда-нибудь пересадить, — решила Юлька.

— Кого? — не понял Ростик.

**КОНСТАНТИН
МЕЛИХАН**

**Мечта
светлая**

Мне бы белую фуражку,
Мне бы белую рубашку,
Мне бы шарфик белый-белый,
И штаны белее мела,
И пальто белей белил...
Я бы так их извозил!

— Рыбок, — уточнила Юлька. — Пока головастики оживут. Например, меченосцев в наказание можно посадить в бутылку, а гуппи — в тазик.

Драчливые меченосцы выглядели в бутылках, как заспиртованные животные. Вскоре они стали глотать ртами воздух.

— Можно, конечно, их пустить в раковину, — глядя на рыбок, размышляла Юлька. — Но тогда где же ты будешь мыть посуду?

— Посуду моет папа, — объяснил Ростик. — А я за ним подтираю полы.

— Не будем обижать папу, — решила Юлька. — Рыбок сажаем обратно, а для головастиков наполняем ванну.

— А где мы будем мыться? — поинтересовался Ростик.

— Пока ходите в баню, — велела Юлька.

Будущие лягушата выздоравливали быстро. Вскоре у них уже стали отрастать лапки, и Юлька сооруди-

**ИГОРЬ
ШЕВЧУК**

Вело-
вело-
вело-
...бах!!!

Искры радугой в глазах!

ВЕ — в канаве,

ЛО — в подвале,

СИ — в кювете,

Сам — в кустах...

По детали,

По педали,

Подбирали,

Прибивали —

Так — подходит, этак — нет.

Прикрутили,

Привинтили,

Починили...

Получили:

ЛО-СИ-ПЕ-ВЕД.

БОРИС
СУЛИМОВ

Это было
На рассвете.
Повстречались
Петя с Петей.

— Я всегда встаю чуть свет.
Ты куда сейчас, сосед?
— На рыбалку я иду —
Карасей ловить в пруду.

— На рыбалку?
Что ж, толково.
Ну а я —
Будить корову.

— Ну, счастливо!
— Ну, счастливо!..

И пошли неторопливо
Петя в кепке с козырьком
И Петя с алым гребешком.

ла для них островок, посадила на нём цветы, а на дне ванны — водоросли.

Семья Ростика за это время привыкла ходить по субботам в баню. Из ванной убрали мыло и зубную пасту. Стирать мама ходила к соседям.

Сколько бы всё это продолжалось — никому не известно. Только однажды утром Ростик увидел трёх лягушат, сидящих на коврике в передней. Они просились на волю.

Ростик взял их в руки и отнёс в парк. На прощание они уже по-лягушачьи квакнули и поскакали к пруду.

Ростику показалось, что они передавали Юльке привет.

У Аркашки Куликова родители — что надо, нормальные.

Я у своих второй год хомяка выклянчить не могу, а Аркашка едва про бегемота заикнулся — пожа-

ВЛАДИМИР
СЕЙНОВ

ЧТО МЕШАЕТ
ВОЛКУ
СТАТЬ ДОБЫЧЕЙ?

Мне бы добрым, ласковым
Очень стать хотелось,
Но мешает жадность,
Зуд в зубах
и
серость.

луйста, привели бегемота. Правда, старенького, всё пузо в складках. Но бегемот же! Аркашкин папа для него специально во дворе гараж построил, летом каждый день ездит за город сено косить... Золотые у Аркашки родители... Да что золотые — бесценные! Так и смотрят Аркашке в рот: чуть он рот откроет — сразу выполнять несутся, ещё и ссорятся на ходу из-за того, кто первым успеет.

Нормальные у Аркашки родители. А сам Аркашка — ненормальный. Он же своих родителей боится! Представляете?! Боится таких родителей! Как увидит их — прячется. Но они его как разыщут: «Чего хочешь?» — спрашивают. А он молчит.

А вчера ночью встаю — лунное затмение смотреть — и не верю глазам своим: во дворе Аркашка Куликов! Лбом бегемоту в бок упёрся и рыдает!.. Вот дурак-то! С такими родителями жить бы да радоваться, а он рыдает!

АЛЕКСАНДР
МАТЮШКИН-ГЕРКЕ

ПРО ЮННАТА ИГОРЬКА И УСАТОГО ЖУКА

С друзьями вместе Игорьёк
Шагал лесной дорогой.
Глядит — под листиком

прилёг

Жучок коротконогий.

Он был, как видно,

не простой,

Тот жук, судите сами:

Весь — изумрудно-золотой,

С огромными усами.

Такого не было пока

У лагерных юннатов.

Жука для зооуголка

Поймать немедленно надо!

Он в кулаке жука зажал,

Но пойманный страдалец,

Сердито крыльями жуужжа,

Кусал его за палец.

От боли взвыл натуралист,

Кулак разжал невольно...

А жук опять залез под лист

И там сидел, довольный.

Ребята сгрудились вокруг,

Все закричали разом:

— Как он посмел,

Негодный жук?!

Он должен быть наказан!

Болит рука у Игорьёка,

Но мальчик, чуть не плача,

Сказал:

— Не трогайте жука.

Ведь я же...первый начал.

АЛЕКСАНДР
ПИСКАРЁВ

Учила Акула своих Акулят:

— Вы встречных — глотайте.

Но, чур, не подряд.

Киты, корабли и подводные лодки

Чуть-чуть велики

И для маминой глотки.

КОЛОЧКИ

В. ВЕРИЖНИКОВ   Ю. ЮРЬЕВ

Сообщение из тапочка

- Терпеть не могу мёртвый час, - заявил корреспонденту "КАКТУСА" СЛАВА КАРАСЁВ.
- По-моему, это просто УБИТОЕ ВРЕМЯ.

Мировой рекорд для тапочек

НА СОРЕВНОВАНИЯХ ПО ПРЫЖКАМ В ДЛИНУ ГРИША ДУБОВ-БЕРЕЗИН ПРИЗЕМЛИЛСЯ НА ОТМЕТКЕ 3 МЕТРА, А ЕГО ТАПОЧКИ - ЗА ОТМЕТКОЙ 10 МЕТРОВ.

Игра в грибы

ВЫПУЩЕН НАБОР ИГРУШЕЧНЫХ ПЛАСТ-МАССОВЫХ ГРИБОВ. ИГРА ВЕДЁТСЯ ТАК: ОДИН РАССТАВЛЯЕТ ГРИБЫ НА УЧАСТКЕ ЛЕСА ПЛОЩАДЬЮ ПРИМЕРНО 60 КВ. МЕТРОВ, А ДРУГОЙ ИХ РАЗЫСКИВАЕТ. ЦЕЛЬ ИГРЫ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ СОБРАТЬ ГРИБОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИХ БЫЛО РАССТАВЛЕНО.

На одном весле

ПОЧТИ КИЛО-МЕТР ПРОПЛАВАЛИ НА ОДНОМ ВЕСЛЕ ВИТЯ РЫЖКИН И ВОВА КАРАСЁВ. ВТОРОЕ ВЕСЛО ОНИ УТОПИЛИ ВМЕСТЕ С ПОДКОЙ.

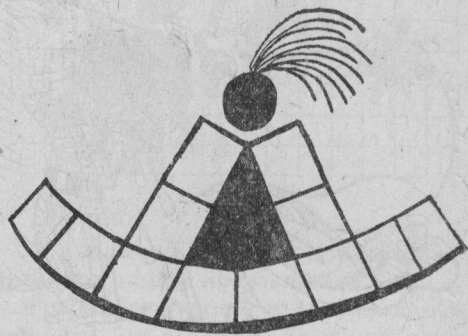

КАКТУСВОРД

1. По кривой. Один из любимых детских литературных героев, который любил носить жёлтые брюки, оранжевую рубашку с зелёным галстуком и яркую голубую шляпу, по форме напоминающую этот кактусворд.

2. По косой. Вещество, которое толкало поршень в автомобиле, который утопил этот герой, свалившись на нём с обрыва в реку.

3. По другой косой. Радостный звук, который любил издавать самый верный друг охотника, стрелявшего пробками и жившего на улице Колокольников, в одном доме с нашим героем, который любил носить яркую голубую шляпу, по форме напоминающую этот кактусворд.

Ответы на кактусворд в следующем выпуске КАКТУСа.

РИСУНКИ
Ю. БОУКАРЕВА

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТОЕ (шестьдесят пятое)

Ведёт заседание почётный председатель Клуба
В. С. Альбум-Маркин

Дорогие друзья!

Ходили ли вы на филателистическую выставку
«Ленинград-85»!

Не все ходили!

Жаль. Выставка получилась очень интересная. Она размещалась в помещении Государственного музея этнографии народов СССР в марте-апреле 1985 года.

Нас интересовал, разумеется, прежде всего юношеский класс. Организационный комитет выставки допустил к экспонированию по этому классу 27 коллекций, в том числе 4 общественные коллекции клубов юных филателистов.

Жюри признало лучшей коллекцию Виктории Петругиной «Животный мир заповедников СССР». Этой коллекции присуждена позолоченная медаль.

Серебряными медалями награждены коллекции марок Лены Мамаевой «Цветы в легендах и преданиях», Олега Начинкина «Небо зовёт», Димы Дука «Жизнь поэта» и Васи Шулепова «Наш друг Болгария».

Посеребрённых медалей удостоены 4 коллекции, бронзовых — 10, и ещё 8 коллекций отмечены Почётными дипломами. Таким образом, строгое жюри нашло возможным отметить все допущенные к выставке коллекции юношеского класса. Это большой успех!

А сегодня, юные друзья, мы предлагаем вам очередной калейдоскоп коллекционера.

Калейдоскоп коллекционера

БАТАЛЬОН ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Почтовый блок, фотографию которого ты видишь, филателисты положили в свои коллекции 15 лет назад. Он посвящён 25-летию Победы советского народа над фашистской Германией. Об этом свидетельствует надпись на полях блока и марка с орденом Победы. А событие, изображённое на полях блока, произошло 40 лет назад — 24 июня 1945 года.

Изображение на блоке документально. Художник И. Козлов, оформляя почтовый блок, использовал фотографию, сделанную в тот знаменательный день.

...До начала Парада Победы ещё полчаса, в этом ты можешь убедиться, взглянув на стрелки часов Спасской башни, но сводные полки, представляющие на параде все фронты Великой Отечественной войны,

уже заняли на Красной площади свои места.

Отдельно стоит батальон особого назначения. В официальных документах солдат этого сводного батальона называют «носильщиками трофейных знамён». И действительно, правофланговый батальона — солдат инженерных войск Фёдор Антонович Легкошкур пригнул к земле личный штандарт Гитлера. Рядом с ним ещё 200 солдат особого батальона держат 200 ненавистных знамён, под сенью которых двенадцать лет творились преступления против человечества.

Формировался батальон из лучших солдат и сержантов разных фронтов. В его составе 40 участников штурма Берлина. Первый Белорусский фронт направил в батальон 40 кавалеров ордена Славы. 50 лучших своих воинов командировал в батальон Первый Украинский фронт, сводную роту выделила в батальон ордена Ленина Краснознамённая дивизия имени Ф. Э. Дзержинского.

...Но вот и прошли они, эти полчаса. Ровно в 10 часов утра из Спасских ворот Кремля на Красную площадь выехал на белом коне Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Он принимает парад. На площади его встречает на вороном коне командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Два прославленных военачальника обменялись войсками.

Начался торжественный марш. Один за другим проходят мимо Мавзолея сводные полки фронтов, каждый под свой боевой марш. Замыкает торжественное шествие сводный полк моряков.

И вдруг оркестр оборвал музыку. Только барабанная дробь нарушает тишину. По площади движется колонна солдат, несущих знамёна поверженного врага. Солдаты приближаются к Мавзолею и швыряют к его подножию фашистские регалии.

Парад Победы подвёл итоговую черту под четырьмя годами войны советского народа с германским фашизмом.

ПУШКИНСКИЕ СУВЕНИРЫ

Ты, конечно, знаешь, что черновики А. С. Пушкина испещрены огромным количеством рисунков. Работая, Пушкин рисовал на полях рукописи, на отдельных листах, а то и по уже написанным строчкам стихов. Это — иллюстрации к написанному, портреты современников и друзей, орнаментальные наброски... Среди рисунков без труда узнаются пушкинские автопортреты.

Ленинградское издательство «Аврора» выпустило набор из 16 открыток с рисунками Пушкина. Большой интерес представляет автопортрет молодого Пушкина. Рисунок был предназначен для первого сборника стихов. Но книжка издана не была. К счастью, Пушкин не уничтожил этот рисунок, и мы сегодня имеем возможность видеть изображение молодого поэта и судить о его графическом мастерстве.

А вот ещё один сувенир — юбилейный рубль, посвящённый А. С. Пушкину. В нашей стране это первая «литературная» монета. Она выпущена в денежный оборот Министерством финансов СССР год назад, к 185-летию поэта.

Юбилейные монеты выпускаются не очень большими тиражами. К тому же они нравятся. Вот и выходит, что в денежном обороте таких монет почти не увидишь: они тут же оседают в коллекциях. Далеко не каждый коллекционер может приобрести юбилейную монету. Многие их даже не видели.

Выполняя просьбу юных нумизматов, мы печатаем фотографию «пушкинского» юбилейного рубля.

ГЕРОИЧЕСКИЙ КРЕЙСЕР И ЕГО КОМАНДИР

Из Порт-Артура крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» направили в корейский порт Чемульпо в конце 1903 года. В задачу боевых кораблей входила охрана русского посольства и патрульная служба. А 27 января 1904 года японская эскадра в составе 6 крейсеров и 8 миноносцев неожиданно загородила выход русским кораблям из порта.

Так Япония без объявления войны напала превосходящими силами на русский военный флот в Порт-Артуре и в Чемульпо. Командовал японской эскадрой адмирал Уриу.

Японской эскадре было бы совсем просто расстрелять эти русские корабли прямо в порту. Но японский

адмирал задумал подарить своему императору один из лучших в мире крейсеров, поэтому Уриу направил русским кораблям ультиматум такого содержания: «Сдавайтесь или будете уничтожены».

Адмирал был уверен, что русские корабли уже лежат у него в кармане. Но всё получилось совсем иначе.

Командир крейсера «Варяг» капитан 1 ранга Всеволод Фёдорович Руднев даже не нашёл нужным ответить на ультиматум. Обращаясь к матросам, он сказал:

— Мы не сдадим ни кораблей, ни самих себя... Мы будем сражаться...

Матросы не подвели своего капитана. Крейсер и канонерская лодка покинули порт и пошли на прорыв, чтобы соединиться в Порт-Артуре со своим флотом.

Началось сражение, хотя силы были слишком неравные. Океан вокруг «Варяга» кипел от разрывов японских снарядов. На крейсере на-

чался пожар. Через пробоины внутрь корабля стала поступать вода. Одно за другим выходили из строя корабельные орудия. 122 человека из состава экипажа были выведены из строя — убиты или ранены. Был ранен в голову и командир крейсера В. Ф. Руднев. Но он продолжал руководить сражением.

И японцам досталось в бою. Один из миноносцев был потоплен, другой основательно повреждён. Крейсер «Такачихо» охвачен пожаром, крейсер «Чиодо» получил сильные повреждения, а крейсер «Асама» вообще был выведен из строя. Но вот японским снарядом «Варягу» перебило рулевое управление. Исправить это повреждение во время боя невозможно. И всё-таки командиры решили не сдавать врагу корабли. Было решено: «Варяг» — потопить, а «Корейца» — взорвать.

Руднев покинул крейсер последним.

Русских матросов, оставшихся в живых, подобрала французские, английские и итальянские суда и кружными путями доставили на родину.

Встретили их как героев. Все были награждены георгиевскими крестами и специальными медалями «За бой „Варяга“ и „Корейца“».

На марке ты видишь крейсер «Варяг» и портрет его командира В. Ф. Руднева. Тебе будет интересно узнать, что он был не только замечательным моряком, но и прекрасным коллекционером. Всеволод Фёдорович всю жизнь собирал почтовые марки. В молодости, ещё будучи лейтенантом, он участвовал в кругосветном плавании на крейсере «Африка». В каждом порту, куда заходил корабль, Руднев обязательно покупал марки, и к концу жизни прославленного моряка его коллекция была одной из лучших в России. Имеются сведения, что в его коллекции был экземпляр знаменитого «Голубого Маврикия».

Часть своей коллекции В. Ф. Руднев подарил одному из музеев Севастополя. К сожалению, при обороне Севастополя во время Великой Отечественной войны марки Руднева погибли.

*В помощь следопыту,
идущему по тропинке
в лес*

2. Сова болотная

3. Сова серая

1. Астробинная сова

4. Филин

5. Сова неясная

К фотографиям на 3-й странице обложки: вместо точек поставь название птицы.

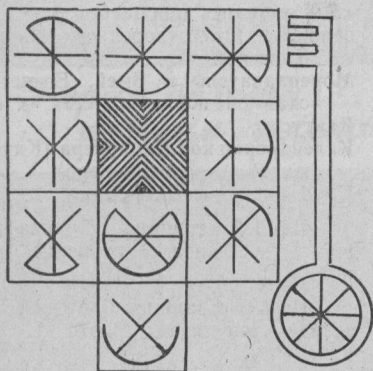

КОНКУРС «МОЛОДОСТЬ МИРА»

Летом этого года в столице нашей Родины откроется XII Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Этому событию и посвящён конкурс, который начинается с этого номера «Искорки». Смекалистые, набравшие наибольшее количество очков, получают призы.

А между читателями, которые пришлют правильные ответы на головоломки, опубликованные в этом номере журнала, будет разыгран приз. Ответы присылайте до 15 августа.

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА Составил Дмитрий Гриненко (243-я школа)

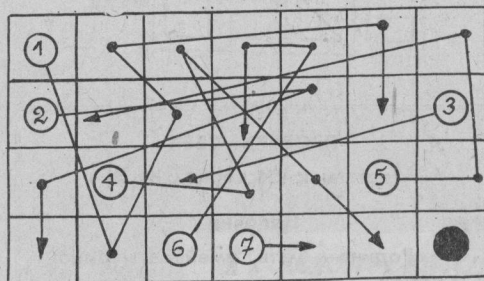

С помощью ключа расшифруйте значки и ходом шахматного коня прочтите название праздника молодёжи. (4 очка)

КРИПТОГРАММА

В клетки этой фигуры была вписана строка из всем известной песни. А затем из всех 27 букв были составлены новые слова, которые означают: 1. Название двухсерийного фильма студии «Мосфильм», выпущенного к 40-летию Великой Победы. 2. Старинная единица измерения

Отдел ведет Н. А. САДОВЫЙ

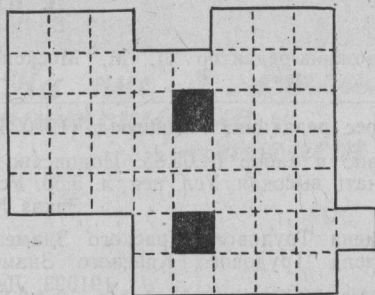

ния скорости судов. 3. Танцевальная форма. 4. Сообщение. 5. Морское млекопитающее. 6. Песчаные холмы. 7. Млекопитающее отряда насекомоядных.

Каждое слово начинается в клетке с номером, заканчивается в клетке со стрелкой. Промежуточные буквы отмечены точками. Восстановите текст. (4 очка)

СОСТАВЬТЕ СЛОВО Составила Светлана Юркевич (11-я сланцевская школа)

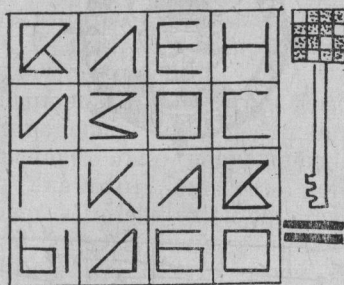
Разрежьте фигуру на 5 букв (высота — 5 клеток, ширина — 3) и составьте название рода искусства (5 очков)

ШИФР

Составила Тая Панфилова

С помощью ключа прочтите название всем известной книги и снятого по ней кинофильма. (3 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

(ответы к «Искорке» № 4)

Цепочка

«Родина — мать, умей за неё постоять»

Циклокрессворд

1. Борец. 2. Собат. 3. Старт. 4. Отряд. 5. Невод. 6. Вечер. 7. Ростов.

Умножение

«Пионерстрой».

Ходом коня

«Добрые слова лучше мягкого пирога».

КТО ПОБЕДИЛ

Между приславшими правильные ответы на все головоломки, опубликованные в «Искорке» № 4, был разыгран приз. Он достался ученику 3-б класса 69-й школы Роме Шишкину.

СОДЕРЖАНИЕ

Артеку. Стихотворение Ольги Фокиной	1
Четыре рассказа про Артек Станислава Фурина	2
Стихи Саши Мякиненкова, Аси Губиной, Леры Суворовой, Даши Максумовой	8
Наши каникулы. Повесть-сказка Сергея Лукницкого	9
Рассказы об экономике. Рассказ пятый. Что чего стоит. Рассказчик В. Ковичев	16
«Дело» о костотрясе. Очерк Льва Гаврилова	23
Искорку спрашивают — Искорка отвечает	24
Дело всей жизни. Очерк К. Борисовой	31
Портрет друга (К 50-летию Олега Тарутина) Вступительное слово Татьяны Галушко	34
В Царском Селе, в доме Китайской... Стихи Олега Тарутина	36
Львы над Невою. Очерк Василия Островского	40
Поэт и палачи. Продолжение повести-баллады Валерия Воскобойникова	44
«Мы родились под щебет ранних птиц...» Стихотворение Нади Князевой	49
Мореппаватель и Змей. Египетская сказка	50
Кактус	54
Калейдоскоп коллекционера (Клуб юного коллекционера)	59
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок О. Филипенко «Начались каникулы»

На 2-й странице обложки «В объективе Ленинград». Фото А. Дроздова

На 3-й странице обложки «Следопыт, или Тропинка в лес»

На 4-й странице обложки рисунок Л. Уральской «Красная книга»

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томилини, И. А. Турчин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 04.05.85. Подписано к печати 14.06.85. М-17655. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,65. Тираж 60 000 экз. Заказ № 929. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Следуют,
или
Тропинка
в лес

2. У края болота... сердито
клювом щёлкает.

4. А в самой лесной чапуге спряталась самая
большая наша сова — ... Только белый
ночью этих птиц, и увидишь.

1. Июньские
ночи — самые
светлые в году.
Пришло время
на ночных птиц,
посмотреть.
Вот сидит ...
и хвостом
поводит.

3. На мне ... крылья
растопырила —
— пугает.

«Охранять природу —
значит охранять Родину»
(М. Пришвин)

6-3

туфельница

сон-трава

медунца

колокольчик

ландыш

кувшинка белая

КРАСНАЯ
КНИГА

ЦЕНА 20 коп

ИНДЕКС 73735